

Часть II. СООБЩЕСТВА ИСТОРИКОВ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ, КОММУНИКАТИВНЫЕ, ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ И ПРАКТИКИ

Н. Н. Алеврас (Челябинский ГУ)

Диссертационный диспут как коммуникативная система: из истории российского научного опыта второй половины XIX – начала XX в.

В истории российской науки значимым ее элементом является диссертационная культура, формирующая фундаментальные профессиональные качества человека науки и закладывающая типологические свойства личности ученого. Наше стремление создать общее представление о пространстве диссертационной культуры, опирающееся на имеющийся исследовательский опыт (Г.Г. Кричевский, А.Е. Иванов), и дать ее определение (См.: Алеврас Н.Н., Гришина Н.В. Диссертационная культура российских историков XIX – начала XX вв.: замысел и источники исследовательского проекта // Мир историка: историографический сборник /под ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. Омск, 2010. Вып. 6. С. 9-21; Они же. Диссертационная культура российских историков второй половины XIX – начала XX вв.: поиск национальных особенностей // Национальный/социальный характер: археология идей и современное наследство. М., 2010. С. 266-268), продолжены усилиями по выявлению особенностей наиболее значимых ее событий/явлений. К таковым, без сомнения, относится диссертационный диспут, который может восприниматься не только как завершающее и центральное событие в диссертационной истории любого соискателя ученой степени, но и в качестве отдельной локальной системы диссертационной культуры – концентрата коммуникативного опыта и научной дискуссии. Это особо привлекательно, поскольку позволяет через изучение «сценариев» конкретных диспутов-явлений осуществлять конструирование научного общения в фазе его повышенной напряженности. Как следствие – дает возможность понять не только характер деловых и личностных взаимоотношений в научной среде, но, что не менее значимо, содержание и смысл научных идей, представленных в персональных проектах и в диалоге ученых.

На явление диссертационного диспута предлагается взглянуть с двух сторон: во-первых, как на самостоятельную систему диссертационной/научной культуры, имеющую сценарно-ритуальный характер. Она структурировалась под воздействием нормативно-правовых факторов и определялась традициями университетской жизни, которые можно связывать со сферой научного быта. Во-вторых, диссертационный диспут предстает как своего рода институциональная площадка для научных презентаций и специфическая коммуникатив-

ная практика ученых. В совокупности изучение обеих сторон события диспута позволяет приблизиться к целостному пониманию позиций всех его участников и получить представление о степени эффективности данного элемента научной системы, идейно-научном потенциале сообщества ученых, типах творческих коммуникаций и расстановке научных сил в их среде.

Опираясь на источниковую информацию, связанную с опытом подготовки профессиональных кадров ученых-историков, сосредоточусь на двух моментах: попытаюсь, во-первых, раскрыть принципы научной экспертизы диссертационных исследований и претензии общества ученых к их качеству; во-вторых, определить функциональную историко-познавательную нагрузку диссертационного диспута как способа выражения научных стратегий и проявления полемического дискурса. Это позволяет обратиться к вопросам национальных особенностей диссертационной культуры, а также места и значимости диссертаций в научном наследии историков XIX – начала XX в.

Нормативная основа диссертационной системы изучаемого времени не определяла все детали организации диспута во время защиты диссертаций, поэтому ряд его элементов складывались на основе вырабатываемого университетской средой практического опыта их научной экспертизы. В частности, отсутствовали формальные требования к статусу представителей оппонентского корпуса, не было выработано устойчивых представлений и шаблона относительно характера и структуры таких элементов/артефактов диспута как «тезисы» («положения») диссертации, «речь» («доклад») соискателя, «отзывы» и «рецензии» экспертов. Наконец, в организационном процессе защиты диссертации не предполагалось протоколирование всего действия, происходящего в ходе этого события, что несколько ограничивает информационно-источниковую основу изучения проблемы, заставляя обращаться к свидетельствам-припоминаниям о ходе диспутов, не имеющим предпочтительной для историка аутентичности (исключение составляют редкие случаи протоколирования этого события, осуществлявшегося по частным инициативам).

Вместе с тем, в указанное время сформировалась сценарная основа диспута, существенным образом воспроизводимая и в практике современной диссертационной культуры. Вопросы о месте диспута в процедуре презентации и научной экспертизы диссертаций занимали важное место в дискуссиях рубежа XIX–XX вв. в связи с инициативами разработки новой редакции университетского устава (имеются в виду выступления в печати Г.Ф. Шершеневича, В.И. Сергеевича. Н.И. Кареева, В.А. Мякотина и др.). Относительная организационная «свобода» процедуры защиты имела двоякие последствия. С одной стороны, она провоцировала отступления от неписаных правил научной этики и требований, предъявляемых научным сообществом к научному исследованию, вызывая трения и конфликты. Примером

является ряд диссертационных диспутов, в ходе которых либо ставились под сомнение достоинства диссертаций и качество экспертных оценок, либо выражалось предвзятое отношение к взглядам или позиции соискателя. К таковым, например, можно отнести защиты В.И. Семевского, И.П. Сенигова, В.Е. Якушкина, П.Н. Милокова, Н.Д. Чечулина. С другой – являлась основой творческого отношения к этому этапу презентации диссертационной работы. Это давало поводы для создания самобытных традиций организации и атмосферы диспута в каждом отдельном университете/факультете, формируя и укрепляя научные университетские субкультуры и школы.

Совокупность всех видов информационных артефактов/материалов, возникавших при подготовке и в ходе диспута, позволяла обратиться к принципиальным вопросам научного облика соискателя и характера диссертационной культуры как существенного элемента национальной науки. Полагаю, что изучение такого явления как диссертационный диспут, концентрируя еще слабо освоенные наукой историографические тексты – диссертации, тезисы, речи, отзывы, рецензии и пр., существенно расширяет возможности создания целостного образа русского историка и исторической науки. Предварительный анализ информационной системы исторического диспута позволяет говорить о нарастании в изучаемое время интеллектуального потенциала в сфере диссертационной культуры, когнитивной напряженности в сообществе ученых-историков, а также преобладании высококачественных диссертаций, которые выступают в качестве ведущего типа научной монографической продукции в исследовательской практике российских историков.

М. А. Базанов (Челябинский ГУ)

В поисках очертаний «научной школы А. А. Зимина»: к постановке проблемы

Биографы А.А. Зимина и его учеников уже неоднократно высказывали мысль о существовании в рамках советской исторической науки феномена «научной школы А.А. Зимина» (см. статьи В.Б. Кобрина, С.М. Каштанова, Л.В. Столяровой, В.А. Муравьева). Безусловно, подобные утверждения следует сопровождать обстоятельной аргументацией. Проблема «научной школы А.А. Зимина» еще ожидает своего детального изучения.

В данном сообщении остановимся лишь на одном из ее аспектов. Формирование и функционирование научной школы (во всяком случае, ее «классического», лидерского типа) неразрывно связано с образовательным процессом. Поэтому, опираясь на воспоминания А.А. Зимина (см.: Зимин А.А. Дети становятся взрослыми // Александр Александрович Зимин / сост. В.Г. Зимина, Л.Н. Простоволосо-

ва. М., 2005. С. 74–124), раскроем основные черты его педагогической деятельности как преподавателя и научного руководителя.

К своим ученикам А.А. Зимин относился как к «сотоварищам по общему делу», он «старался внушить ребятам, что они не школяры, а служители науки» (с. 76–77). Следовательно, главная его цель – сформировать из студента полноценного исследователя-историка. При этом А.А. Зимин вовсе не стремился к «усреднению», не «подгонял» своих учеников к некоему единому идеальному образцу ученого. Свою задачу он видел в том, чтобы «помочь каждому стать самим собой» (с. 79), раскрыть в полной мере индивидуальные способности и навыки.

Первостепенное значение для А.А. Зимина приобретает формирование духовного облика, ценностных установок ученика. Историк требует от него полной самоотдачи, трудолюбия, готовности поступиться материальными благами ради занятия наукой. Характерен следующий эпизод, описанный в его воспоминаниях. На втором курсе обучения ученик А.А. Зимина С.М. Каштанов выступал с докладом на его семинаре. Суровый учитель, заметивший в поведении С.М. Каштанова признаки «казнаиства», дал на его доклад резкий критический отзыв, «доведа докладчика чуть ли не до слез» (с. 82). Подобные методы, как это явствует из текста, историк считал вполне приемлемыми в деле воспитания подрастающей смены.

Естественно, формирование духовного облика ученика требовало от А.А. Зимина глубоких контактов с ним на личностном уровне. Ученичество в его представлении в первую очередь явление неформальное. Это объясняет, почему А.А. Зимин неоднократно именует своих учеников «друзьями». Он считает возможным причислять к ним и часть тех студентов, которые защищали свои дипломы под руководством других историков «по формальным причинам», но при этом «сохраняли добрые отношения со мной (т.е. с А.А. Зиминим. – М.Б.) на долгие годы» (с. 76). Ученый с горечью отмечает случаи, когда подобной духовной близости с учениками у него не сложилось.

Основные свои преподавательские усилия А.А. Зимин сконцентрировал на обучении студентов методикам работы с историческими источниками. Отсюда проистекает особое пристрастие историка к таким формам занятий, как семинары и спецкурсы, которые как нельзя лучше соответствовали этой задаче. И наоборот, менее он ценил общие курсы, ориентированные на передачу определенного набора фактических сведений. Стремясь привить студентам умение работать с источниками, А.А. Зимин, например, уже на первом занятии по палеографии мог выдать ученикам тексты XVI–XVII вв., таким образом «прививая им мысль, что палеография – это не наука о завитушках..., а скорее кроссворд, требующий размышления...». Даже преподаватель палеографии, считал он, должен «учить размышлению, а не вдалбливать сведения о типе букв по векам» (с. 80–81).

Как научный руководитель А.А. Зимин особое внимание уделял тематике дипломных работ, которую, как это следует из употребляемых им речевых оборотов, он определял сам. В своих воспоминаниях историк даже укоряет себя за то, что при выборе тем навязывал ученикам то, что казалось интересным именно ему, обращал мало внимания на желания самих студентов. Дипломное сочинение, в представлениях А.А. Зимина, должно строиться таким образом, чтобы в дальнейшем стать основой кандидатской диссертации. Поэтому они должны быть выполнены «по всем правилам научного исследования и ничем не отличаться от работ профессоров и академиков, разве что свежестью подхода к теме и методике» (с. 77). Пожалуй, наиболее ярко этот подход был осуществлен в дипломной работе С.М. Каштанова, соответствовавшей уровню кандидатской диссертации. Лишь бюрократические формальности не позволили присвоить ему ученую степень. Безусловно, А.А. Зимин был строгим научным руководителем, жестко требовавшим от учеников выполнения поставленных перед ними задач (см. воспоминания о нем С.М. Каштанова, Е.П. Маматовой).

Историк принимал самое активное участие в научной карьере своих учеников. Он, например, всячески содействовал опубликованию их работ. Так, первая публикация С.М. Каштанова вышла в свет, когда ее автор еще обучался на третьем курсе, причем в таком солидном издании, как «Исторический архив».

Итак, педагогическая деятельность А.А. Зимина во многом была нацелена на формирование вокруг него неформального сообщества исследователей, объединенных сходными методиками исторического исследования. Сама фигура А.А. Зимина – пример харизматичной личности, строгого и требовательного учителя, в характере которого проявлялись патерналистские черты, что как нельзя лучше соответствовало характеристикам лидера научной школы.

Т. А. Булыгина (Ставропольский ГУ)

Историк в меняющемся советском пространстве (конец 1950-х – середина 1960-х гг.)

Советское пространство после 1953 г. последующие поколения исследователей рассматривали в контексте глубинных социокультурных и политических перемен. Наряду с этим коренные принципы экономического, политического и духовного существования Советского государства оставались неизменными, и советская система в своей основе оставалась стабильной. Тем не менее, именно в то время эта основа дала едва заметные трещины, ставшие в более поздний период угрожающе большими, что, в конце концов, и привело к разрушению всей советской системы. Органичная связь официальной советской идеологии с гуманитарной наукой определяла прямое воз-

действие советского пространства на природу общественных наук, включая советскую историографию. Заметим только, что изменения, коснувшиеся исторической науки, после смерти Сталина стали очевидными, но вызревали гораздо раньше, в толще общественного сознания под влиянием итогов Великой Отечественной войны. Конец 1940-х годов в СССР – это противоречивое время бифуркации, чреватое альтернативными возможностями развития общества. Позже, когда победили одни тенденции, а другие были задушены или загнаны внутрь, сложилась иллюзия монолитности и определенности как в действиях власти того периода, так и в научном сообществе.

Внутренний ритм науки отличался от социально-политических ритмов советского пространства. Поэтому трансформация советской исторической науки не была синхронна изменениям в обществе, но сдвинута во времени. Первые признаки грядущих изменений проявились в сфере государственного управления наукой, наиболее близкой политической сфере. Заведующий отделом ЦК, член ЦК КПСС А.М. Румянцев весной 1953 г. внес правку в записку президента Академии наук СССР А.Н. Несмеянова по итогам сессии и пленума Института материальной культуры и Института этнографии. Документ был написан в духе идеологических дискуссий 1940-х годов, где М.О. Косвен подвергся ругательной критике за недооценку классовых подходов. Румянцев облагородил текст, заменив грубые выражения обтекаемыми формулировками. Здесь уже наблюдается стремление вести разговор о науке в научных же категориях.

В одной из книжек журнала «Наука и жизнь» за 1954 г. передовая статья представила развернутую программу гуманитарных научных исследований, включая историю, где упор также делался на проблемы истории советского общества. В этот год зародилась традиция критики зарубежной (буржуазной) историографии. Несмотря на резкий стиль подобных публикаций, они содержали реальную информацию о тенденциях исторической науки за рубежом. Так, авторы одной из первых рецензий на зарубежное историческое исследование – книгу эмигранта М.Т. Флоринского, используя советские штампы, вроде «маразм американской исторической науки», в то же время дали широкий очерк состояния изучения истории советского общества за рубежом.

Однако главное изменение, происшедшее в эти годы в советской историографии, ярко выразил в 1960 г. историк А. Свободин: «никогда я так много не работал, как в эти полгода: я думал!». Менялась личная позиция советских историков, расширялся их методологический кругозор. В январе 1955 г. законопослушный директор Института истории АН А.Л. Сидоров обратился в ЦК партии с просьбой разрешить публикацию в возрожденном журнале «Исторический архив» документов «из враждебного лагеря». Участники партийного собрания Института истории АН СССР открыто заявили о необходимости пересмотра положений «Краткого курса».

Во второй половине 50-х годов, была проделана брешь в «железном занавесе». После длительного перерыва в сентябре 1955 года в X Международном конгрессе историков в Риме участвовала и делегация советских учёных. Правда, отбор кандидатур историков, а также директивных предписания для них готовились в ЦК, но сам факт общения с иностранными коллегами менял историографическую ситуацию в СССР.

Перемены в стране высветили масштаб личности советского историка, члена ЦК КПСС академика А.М. Панкратовой. Именно ее статья в журнале «Коммунист» летом 1953 г. стала знаком внутренних изменений в советской историографии, где ставился вопрос об отсутствии серьезной историографии по вопросам истории советского периода. Через год она получила слово на XX съезде КПСС и с горечью говорила о том, что в исторических исследованиях на протяжении многих лет преобладали приукрашивание и упрощение исторических событий, а также заглушение трудностей советского периода. Она критиковала отсутствие социального обоснования исторического процесса и объяснение неудач вредительством врагов «или людей, объявленных врагами, а наших успехов – талантами отдельных руководителей».

В 1955 г. в ответ на критику за буржуазно-националистический уклон книги Г.П. Башарина «Три якутских реалиста-просветителя» со стороны Якутского обкома партии вместо поддержки партийного осуждения раздались слова защиты якутского историка со стороны той же А.М. Панкратовой.

Перемены в историографии в ту историческую эпоху были связаны с деятельностью журнала «Вопросы истории», который тоже возглавила А.М. Панкратова. Изучение спорных или закрытых тем ученые не мыслили за пределами марксизма-ленинизма, но не методом зачеркивания цитат и имен, а путем правдивого освещения истории. Судьба «мятежного» журнала хорошо известна. Специальным постановлением ЦК 9 марта 1957 г. редакция была разгромлена за «тенденции к отходу от ленинского принципа партийности в науке». А.М. Панкратова, не перенесла нападков на журнал и скончалась в больнице.

Раскол советского общества на сталинистов и антисталинистов со временем захватил и советских историков, и его первые признаки были связаны с журналом «Вопросы истории» во главе с А.М. Панкратовой. Уже в 1954 г. на страницах издания появились статьи Э.Н. Бурджалова с новыми подходами к истории Февральской и Октябрьской революций, а в «Коммунисте» – консервативная критика его взглядов.

Поведение А.М. Панкратовой определило ее вклад в перемены советской историографии. В письме-доносе за 1953 г. в связи с баллотированием ученой в действительные члены Академии говорилось, что она «окружила себя скрытыми троцкистами» и «пригревала репрессированных», «неосмотрительно», по словам Румянцева, защищала «политически сомнительных лиц».

Таким образом, вначале произошли перемены в морально-психологическом климате научного сообщества историков, а затем и в самой науке. На секции общественных наук совещания АН СССР 6 января 1964 г. ряд советских историков обратились к вопросам исторической методологии. И.Б. Берхин открыто заявил, что причина отсталости историографии политической истории – в идеологизации советской истории, в выступлении К.Н. Тарновского прозвучали идеи многоукладности российского общества кануна революций, Б.Ф. Поршнев выдвинул предложение об изучении исторической психологии, а М.Я. Гефтер высказался против «выпрямления» истории.

К. В. Ванюшева (Удмуртский ГУ, Ижевск)

Роль межличностных коммуникаций в профессионализации провинциальной археологии в России (конец XIX – начало XX в.)

Начиная со второй половины XIX в., археология становится наукой с собственными методами и терминологией, профессиональными нормами и правилами. Как вырабатывались и усваивались эти профессиональные качества? Одним из путей, вероятно, были коммуникации: формальные – через чтение специальной литературы, исполнение инструкций Императорской археологической комиссии (ИАК), неформальные – путем непосредственного общения при подготовке и проведении раскопок, обсуждения планов, способов и результатов исследований в научных обществах и на археологических съездах.

Провинциальная археология, в силу ее территориальной отдаленности от столичных образовательных и научных центров, испытывала проблемы с доступностью и полнотой специальных книжных фондов. Тем более значимыми становились межличностные коммуникации, которые давали возможность молодым исследователям усваивать профессиональные нормы, а специалистам – постоянно повышать квалификацию.

Научное общение происходило в рамках провинциальных образовательных обществ, объединявших ученых разных специальностей и интересующихся соответствующей проблематикой любителей. На Всероссийских Археологических съездах осуществлялись диагональные коммуникации, складывались «незримые колледжи». В результате выстраивался оппонентский круг, в котором обсуждались различные гипотезы, давались советы, высказывались авторитетные мнения, завязывались дискуссии.

Главным источником для исследования межличностных коммуникаций представляются письма, являющиеся результатом саморефлексии акторов провинциальной науки. В нем нашли отражение ее проблемы,

перспективы, спорные ситуации, а потому анализ писем позволит выявить путь профессионализации археологии в российских губерниях.

Исследование проводилось на основании переписки деятелей Вятской и Пермской губерний: И.Я. Кривошеков – Ф.А. Теплоухову (1886–1888), В.С. Малченко (1903–1904), Ф.А. Теплоухов – В.С. Малченко (1902–1903), А.А. Спицын – И.Г. Остроумову (1903–1930), А.С. Лебедев – А.М. Тальгрену (1911–1928), М.С. Тюнину (1909), Л.А. Беркутов – М.С. Тюнину (1910–1911) и др.

Для исследования роли межличностных коммуникаций в профессионализации важно учитывать многомерность этого процесса. То есть необходимо провести анализ и на социальном уровне, где в результате развития труд обретает профессиональную форму, и на личностном, когда человек усваивает элементы профессиональной культуры, становится профессионалом.

Социальный уровень отражает процесс обретения любительскими занятиями археологией статуса профессии в конце XIX – начале XX в. Одним из признаков этого было создание учреждений и организаций, осуществляющих профессиональную деятельность – ИАК, Московского археологического общества (МАО), Русского археологического общества (РАО). А в провинции эту роль выполняли сначала Губернские статистические комитеты и ученые архивные комиссии, а позднее – Образовательные общества и музеи. Кроме того, происходило формирование специальных требований и стандартов, закрепляемых документально в Инструкциях ИАК, рекомендациях археологических съездов, а также в уставах Образовательных обществ. На первых порах в качестве образцов использовался опыт иностранных коллег. В 1886 г. И.Я. Кривошеков сообщает Ф.А. Теплоухову: «Вы изволили упоминать о неимении руководств для правильной раскопки могил и курганов, в бумагах моего брата я случайно нашел указания Уральского общества на эти книги; первая из них *Anleitung zu wissenschaftlichen Beobachtungen auf Reisen*, где статья Вирхова, дает указания на предосторожности при раскопках и вторая: инструкции для антропологических наблюдений Борка» (ГАПК. Ф. 613. Оп. 2. Д. 114. Л. 15). Позднее практические умения нарабатывались путем непосредственного участия в археологических раскопках специалистов.

Важной составляющей перехода археологии на профессиональный уровень были повсеместное распространение новых требований к собирательской, исследовательской, образовательной деятельности и контроль за их исполнением. Так, вятский родиновед А.С. Лебедев «журит» председателя музея Сарапульского земства М.С. Тюнина за недостаточную внимательность к археологическим объектам: «необходимо Вам с самого начала весны следить за Ананьинским могильником, чтобы вещи из него не попадали случайно заезжающим людям, или кому бы то ни было» (ЦГА. Ф. 349. Оп. 2. Ед. хр. 7. Л. 23–24).

Условием профессионализации является также наличие социальной потребности в данном виде деятельности. В отношении археологических исследований она формировалась путем популяризаторской работы.

Не менее важен в процессе профессионализации и личностный уровень, на котором происходит индивидуальное усвоение социально-профессиональных норм, ценностей, становление профессиональной морали, а также выработка профессионального самосознания. Интеллектуальный компонент (теоретические и исторические знания научных основ профессиональной деятельности, включенные в мировоззрение человека) у провинциальных деятелей складывался в процессе специальной подготовки – при чтении литературы, на лекциях и в ходе неформального общения с более опытными коллегами. В региональной переписке «изнутри» вырабатывались некоторые профессиональные нормы, делались эмпирические обобщения. Например, И.Я. Кривошеков, выполняя различные поручения Ф.А. Теплоухова, как сам писал, начал «втягиваться в археологический вкус... без всякой теории, а так сказать чутьем, начал различать древнерусские вещи от чуждских» (ГАПК. Ф. 613. Оп. 2. Д. 114. Л. 9). В итоге он, при моральной поддержке и патронате Ф.А. Теплоухова, внес значительный вклад в изучение истории Пермского края (обследовал средневековые городища в Соликамском и Чердымском уездах, раскапывал Чазовской I могильник V–VI вв.).

Переписка является богатым источником для изучения истории провинциальной археологии. В конце XIX – начале XX в. межличностные коммуникации способствовали широкому ознакомлению интересующейся общественности с документально закрепленными нормами археологической работы. Кроме того, в письмах раньше, чем в публикациях, проводился анализ собственной работы исследователей. Делались выводы, корректировавшие рекомендуемые изначально общие приемы и методы поиска, раскопок, фиксации, демонстрации материала, а также вырабатывались правила, учитывавшие региональные особенности археологических памятников.

В. Вжосек (Университет им. А. Мицкевича,
Познань, Польша)

«Естественный» реализм как фундамент взаимопонимания историков

Отношение группы исследователей к основным характеристикам реальности, то есть свойственная им «картина мира» определяет «общий язык» исследовательского сообщества (*communitas*), является их *lieux communs associées* (*франц.* «места совместных ассоциаций» –

термин Макса Блака; у Рикера – «*reseau d'interactions*», у Бирдслея – «*lieux connotations potentiels*»), областью, которая очерчивает границы возможных инноваций в понимании реальности, стандарты профессиональной корректности. Обобщая, можно сказать, что признание исследовательским коллективом определенных измерений и качеств «объективного» определяет границы дискурсивной компетенции в данной области исследований.

Мера разделяемого сообществом реализма, своего рода «внутреннего реализма», является исходной базой для обоснованного утверждения, ведущего к взаимопониманию и согласию исследователей данной исследовательской специальности.

Если в усматриваемых другими историками аспектах «объективного мира» находятся признаваемые сообществом (*communitas*) данной сферы исследований рудиментарные черты реального, тогда существует шанс на общение и взаимопонимание по поводу данных утверждений, а также основа для легитимизации и качественно новых измерений реального.

Очевидно, что сплоченность и идентичность исследовательского сообщества определяется не только общим пониманием предмета исследований, но также осмыслением и степенью признания его объективности, наряду с другими условиями взаимного общения и понимания. Степень признания объективности можно понимать как тип реализма, которого придерживаются – спонтанно или осознанно – исследователи. Натуральный, метафизический реализм или реализмы других типов определяют, с какой методолого-методической позицией мы имеем дело.

Итак, когда мы имеем дело с приверженцами других типов реализма (например, «гипотетического» К. Поппера, «вполне неспецифического» в варианте Э. Геллнера или «внутреннего реализма» Х. Патнэма), степень участия действительности в познании уменьшается. Иначе говоря, приверженец «реализма с человеческим лицом» (Putnam H. *Realism with a Human Face*. Cambridge, MA: Harvard University Press. S. 3-29) не обязан принимать существования действительности как таковой (Putnam H. *Reason, Truth and History*. Cambridge: CUP, 1981, part. 3) (Topolski J. *Jak się pisze i rozumie historię. Tajemnice narracji historycznej*, Rytm. Warszawa, 1996. S. 363).

Исследовательская *communitas* это социум, связанный общей концепцией правдивости/истинности. В этом сообществе вырабатывается – после выполнения других условий: методологических, методических, этических, этнических – истина. Причем истина данного «коллектива специалистов» – это «прикладная истина» внутри данного стиля мышления, это легитимированная в данной области исследований историческая интерпретация, т.е. такая, которая прошла тест обоснованного доказательства. Существенной частью обоснованного доказательства является конвенция относительно образа исследуемой реальности.

Эту идею четко выразил Людвик Флек: «Одно возможное, согласное со стилем мышления, решение называется истиной / правдой. Она не является ни “относительной”, ни „субъективной” в популярном значении. Она всегда, или почти всегда, вполне детерминирована в рамках определенного стиля мышления. Нельзя утверждать, что одна и та же мысль истинна для А и одновременно для Б – фальшива. Если А и Б принадлежат к одному и тому же коллективу, то данная мысль для обоих является либо фальшивой, либо правдивой. Если они принадлежат к разным коллективам, то для них это не одна и та же мысль, потому что для одного из них мысль эта представляется непонятной или понимаемой иначе. Правда – это и не конвенция: в плане историческом она – событие истории мысли, а в современном детерминирована стилем мышления» (Fleck L. Powstanie i rozwój faktu naukowego. Wprowadzenie do nauki o stylu myślowym i kolektywie myślowym, tłum. Maria Tuszkievicz, Wydawnictwo Lubelskie, Lublin, 1986. S. 132).

Представляемые ниже тезисы полнее обоснованы в моих работах: *O myśleniu historycznym* // Oficyna Wydawnicza Epigram. Bydgoszcz, 2009; а также: „Historia – Kultura – Metafora. Powstanie nieklasycznej historiografii, Fundacja na Rzecz Nauki Polskiej, Leopoldinum, Wrocław, 1995; wyd II. Wrocław, 2011; *History – Culture – Metaphore. The Rise of non-classical historiography*. Poznań, UAM, 1997. См.: Исторический источник как реалистическое алиби историка // Мир историка. Историко-графический сборник. Вып. 6. Омск, 2010. С. 272-294.

Н. В. Гришина (Челябинский ГУ)

Российская диссертационная система на рубеже 1910-1920-х гг.: начало и пределы трансформации

Подготовка и защита диссертационного исследования – жизненный этап, зачастую весьма продолжительный. Он начинался с оставления при кафедре «для приготовления к профессорскому званию» и включал архивные разыскания, сочетавшиеся с подготовкой и сдачей магистерских экзаменов, чтением пробных лекций, началом служебной деятельности. Защита диссертации, сопровождавшаяся целым комплексом сопутствующих аттестационных процедур, становилась логичным завершением этого процесса.

Драматические события, переживаемые российским обществом на рубеже 1910-1920-х гг., застали ряд магистрантов и «докторантов» на различных этапах подготовки и защиты диссертации.

В это время ряд диссертационных историй подходил к заключительному аккорду – защите диссертации. В 1917-1919 гг. в российских университетах (Московский, Петербургский, Харьковский, Киевский) по историческим специальностям было защищено 15 диссертаций, т.е. чуть больше 5% от общего количества диссертаций дореволюционного вре-

мени. Из этого числа было 10 магистерских диссертаций (7 по русской истории и 3 по всеобщей) и 5 докторских (4 по русской истории и 1 по всеобщей). Их авторы стремились защититься и получить искомую ученую степень как можно быстрее, пока действовали прежние квалификационные требования. Это стало одной из причин того, почему в 1917 и 1918 гг. ряд исследователей (А.И. Яковлев, В.И. Пичета) защищают магистерскую и докторскую диссертации с минимальным перерывом в несколько месяцев, а то и недель.

Складывающаяся в этот период в общественно-политической жизни России ситуация оказывала влияние на содержание «диспутационных» речей соискателей. Так, Г.В. Вернадский и А.И. Заозерский, защищавшие свои магистерские исследования в 1917 г., еще до октябрьских событий, говорили о значении переживаемого момента не только для общества в целом, но и для науки. Правда, если настроенный оптимистично Г.В. Вернадский считал, что, несмотря на «болезненный перелом народного сознания», произошла актуализация многих вопросов исторического прошлого, то А.И. Заозерский в своей речи с пессимизмом отмечал, что во время «стремительной перестройки» есть угроза потерять связь с прошедшим, и оно может стать «чужим и ненужным». Еще более «включенными» в исторический контекст были речи исследователей, вышедших на защиту в 1918 и 1919 гг. Важно подчеркнуть, что «атмосфера бури» 1910-х гг., оказавшая влияние на ход научной работы, связывалась, в первую очередь, с мировой войной. Особенно это было характерно для историков-«всеобщников». В частности, О.А. Добиаш-Рождественская, защищавшая докторскую диссертацию в 1918 г., в своей диссертационной речи констатировала, что она «ждала конца войны», но видимо придется смириться, что теперь остается вести исследование «о Франции без Франции».

В то же время в рецензиях и факультетских отзывах, которые были более формализованы с точки зрения оформления, явной связи с текущим моментом исторического развития мы не находим. Если сравнивать два вида источников – речь на диспуте и отзывы факультета и оппонентов, – просматривается любопытная картина. Речи продолжают оставаться сугубо личностным документом, поскольку строгого их канона не было выработано. Можно выделить лишь некоторые общие места речей – характеристика прежней историографической традиции, основные выводы работы. Литературная обработка, построение речи продолжают оставаться весьма вариативными. Отзывы, наоборот, приобретают все более каноничный вид. В них четко выделяются следующие структурные элементы: общая характеристика работы, краткое изложение основного содержания исследования, перечисление его достоинств и недостатков. Рекомендательная формула к защите, в которой соискатель признается достойным искомой степени или находят возможным допустить

его к защите диссертации, выработанная еще на рубеже XIX-XX вв., полностью воспроизводится и в это время.

Многие магистранты в этот период были еще далеки от защиты своего исследования. Можно отметить, что общее число «оставленных при университете» в указанное время только возросло. Так, на факультете общественных наук в Московском университете в 1919 г. числилось 26 «оставленных», из них 20 проходили по историческому отделению. (ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 6. Д. 3. Л. 29, 51-51об). Для сравнения: на рубеже XIX-XX вв., по данным университетских отчетов, их количество составляло 6-8 человек. Большая часть из них начали приготовление к профессорскому званию еще в дореволюционный период. В итоге, такое внушительное количество «оставленных при университете» в конце 1910-х гг. можно оценивать как своеобразный шлейф от нарастания процесса защит на рубеже XIX-XX вв.

В указанный период продолжалось начатое в конце XIX в. обсуждение трансформации системы присуждения ученых степеней. Причем это обсуждение было инициировано и поддерживалось различными властями, быстро сменявшими друг друга. Так, на заседании историко-филологического факультета Московского университета 24 октября 1917 г. происходило обсуждение проекта Временного правительства об отмене магистерских экзаменов и получении звания приват-доцента в результате представления в факультет сочинения *pro venia legendi*. (ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 476. Д. 423. Л. 63-66). Многие профессора продолжали настаивать на сохранении «повышенных требований» к будущим ученым как в отношении магистерского экзамена, так и подготовки диссертационного исследования. Эти требования были сформулированы еще в конце XIX в., когда велась дискуссия о судьбе российской диссертационной системы, и продолжали сохранять актуальность в начале XX в., что отразилось в проектах по преобразованию системы высшего образования, готовившихся под эгидой МНП в 1902-1903 и 1906 гг.

В июле 1919 г. уже в рамках построения советской системы присуждения ученых степеней обсуждался новый проект Положения об «оставленных при университете для приготовления к профессорскому званию». (ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 6. Д. 3. Л. 44-48). Среди нововведений проекта можно отметить официальное учреждение должности профессора-руководителя и профессор-специалистов, курировавших молодого исследователя. Огосударствление системы образования просматривается в том, что проект предусматривал оставление при университете всех претендентов только «с содержанием», хотя ряд профессоров настаивали на сохранении прежнего порядка, предусматривающего избирательный подход к финансовой поддержки соискателей. Обсуждался вопрос о формате чтения пробных лекций: в проекте предполагалось их чтение только на закрытом заседании факультета.

Необходимо отметить, что общий путь достижения ученой степени оставался прежним. Полная отмена ученых степеней и званий привела к временному свертыванию сложившейся в дореволюционной России диссертационной системы. Восстановленный во многом на прежних принципах в середине 1930-х гг. диссертационный порядок показал высокую степень сохранности «старой» традиции аттестации научных кадров.

В. В. Дементьева (Ярославский ГУ)

Коммуникации в современном сообществе антиковедов

Мировое сообщество антиковедов имеет – по сравнению с иными сообществами историков – свою выраженную специфику. Во-первых, специалисты по античной истории гораздо теснее и шире сотрудничают с представителями других гуманитарных отраслей знания – филологами, правоведами, философами и т.д. Настолько тесно, что, например, текстологический анализ источника практически стирает грань между историком и филологом, а исследование римской государственности неразрывно совмещает в себе изучение истории Рима и римского публичного права. Во-вторых, объект изучения антиковедов таков (в силу того, что античность есть фундамент всей европейской цивилизации, а также по ряду иных причин), что ни одна национальная историография не может считать античную историю в полном смысле слова историей «отечественной» (включая греческую и итальянскую). Названной спецификой объясняется очень высокий уровень интернационализации исследований и настоятельная потребность развития коммуникаций в самых различных направлениях (с целью аккумуляции научных достижений в разных областях и разных национальных школ). К этому следует добавить и сохраняющуюся недостаточность взаимодействия российских антиковедов с зарубежными научными корпорациями (в том числе отсутствие членства в Международной федерации классических исследований – FIEC). Если учесть к тому же малочисленность (относительную и в абсолютных цифрах) отечественного сообщества антиковедов, то легко понять, что развитие профессиональных коммуникаций принципиально значимо для обеспечения качественного уровня проводимых исследований. В условиях современного информационного общества требуется в первую очередь развивать сетевые коммуникации.

Научно-образовательный Центр антиковедения ЯрГУ реализует проект, призванный создать комплекс информационных ресурсов по антиковедению и обеспечить действенные профессиональные коммуникации. Основными элементами его являются сайт и электронный репозиторий. Интернет-сайт должен осуществлять коммуникацию на основе форм обратной связи, когда исследователи, находясь далеко

друг от друга, могут реагировать на размещенные материалы в режиме реального времени. Разработка сайта на базе CMS Wordpress (с разделом «Библиотека»), выбор которого позволяет пользователю перейти к репозиторию, основанному на хорошо зарекомендовавшем себя во многих зарубежных научных учреждениях (и нескольких российских) программном обеспечении DSpace. Репозиторий выступает как средство хранения научной информации в структурированном виде (а не в формате простого перечня), благодаря чему результаты исследований становятся легкодоступными. Публикации и иные материалы (визуальные, аудио- и видео-) снабжаются необходимым поисковым аппаратом. Репозиторий позволяет размещать все типы данных и снабжать их метаданными (название, автор, типы ресурсов, библиографические описания, резюме, ключевые слова и т.д.). Электронный архив создается исследователями-антиковедами, поэтому проблемно-ориентированный специализированный ресурс разрабатывается на должном научном уровне. Сочетание возможностей научного репозитория, который позволяет хранить, структурировать и представлять результаты научных исследований, и Интернет-портала, обеспечивающего двунаправленную коммуникацию работающих над его созданием исследователей и пользователей (при наличии как логической связи между сайтом и репозиторием, так и связи между ними на уровне интерфейса), повышает уровень фундаментальных исследований (и презентацию их результатов, когда преодолеваются географическая и иные виды разобщенности специалистов). Это помогает также повысить качество обеспечения учебного процесса; комплекс служит источником актуальной новейшей научной информации для студентов и аспирантов, а также дополнительным средством их взаимодействия с научным сообществом антиковедов. Такой комплекс создается в отечественном антиковедении впервые; проекты подобного рода единичны и в масштабах всей исторической науки. Для пользователей предусмотрена возможность предлагать, путем заполнения соответствующих форм, актуальные новости в новостной блок, ресурсы в каталог ресурсов, публикации для размещения в электронном репозитории. Публикуются программы конференций, отчеты о них, делаются записи дискуссий, вопросов и ответов с возможностью их комментирования пользователями.

На базе модуля SnCat создается каталог Интернет-ресурсов по антиковедению, в отличие от имеющихся аналогов полный, постоянно обновляемый, с автоматической проверкой работоспособности ссылок, структурированный. В настоящее время имеется огромное количество сайтов антиковедческой тематики. Возникает проблема ориентирования в этих ресурсах, поиск действительно ценной информации. В нашем каталоге каждая запись характеризуется принадлежностью к одной или нескольким категориям (отражающим тип и содержание ресурса), фильтрам (с указанием, например, языков ин-

терфейсов и языков содержания сайтов), даются аннотации ресурсов, оценки модератора и пользователей, комментарии. Возможен полнотекстовый поиск в каталоге, просмотр по категориям, сортировка по дате добавления, популярности, показателям поисковых сервисов и т.д. Предусмотрена электронная подписка на обновления всего каталога и его отдельных частей.

Реализация ближайших планов по дублированию информации на сайте на английском и немецком языках даст возможность развития ресурса в направлении его превращения в инструмент более тесного взаимодействия российских антиковедов с зарубежными специалистами. Электронная библиотека Центра антиковедения ЯрГУ (на нее получено Свидетельство о государственной регистрации базы данных) в настоящее время индексируется в международных научных поисковых системах, включая, например, Bielefeld Academic Search Engine.

Т. Н. Иванова (Чувашский ГУ, Чебоксары)

В. О. Ключевский и В. И. Герье: сотрудничество «антиподов»

Сотрудничество двух патриархов Московского университета В.О. Ключевского (1841-1911) и В.И. Герье (1837-1919) – явление очевидное, и, возможно, потому не ставшее предметом отдельного исследования.

Долгое время работая вместе, они олицетворяли: один – историю России, второй – всеобщую историю в Московском университете. Герье преподавал в нем 29 лет (1865-1904), под его руководством были защищены 8 магистерских диссертаций, немного уступал ему количественно (но не качественно) Ключевский: 21 год работы и 6 защищённых диссертаций. С 1872 по 1888 гг. они трудились вместе на Высших женских курсах в Москве. Их многолетняя дружба – факт, констатируемый как аксиома. В архиве сохранилась их многолетняя переписка, они дружили семьями и участвовали вместе в различных просветительских проектах и общественных акциях.

Их дружбу можно считать сближением противоположностей. Ключевский настороженно относился к перенесению на русскую почву иноземного опыта, а западник Герье считал, что просвещение и прогресс должны прийти в Россию из Европы. Герье был гегельянцем, принимавшим лишь некоторые методы позитивизма. Ключевский стал одним из первых русских учёных, создавшим основанную на позитивистской методологии социально-экономическую историю России. Оба профессора были сторонниками либеральных реформ, но либерализм Герье дрейфовал в сторону консервативного охранительства, а Ключевский стремился быть в глазах общественности умеренным оппозиционером. Когда им обоим в 1907 г. было сделано предложение стать членами Государственного Совета по назначению императора, Герье согласился, а Ключевский демонстративно отказался.

Различались и их методы преподавания. Лекции Ключевского, больше похожие на блестящие спектакли, по сути, продолжались и на семинарских занятиях. Суховатые, но чётко структурированные лекции Герье дополнялись тщательной работой со студентами на семинарах, где им прививались азы методики исторического исследования. Ключевский никогда не снисходил до детальных консультаций со своими магистрантами, он их вдохновлял, не считая нужным мелочную опеку. Герье пошагово направлял все действия магистрантов и вникал не только в содержание диссертации, но и в бытовые проблемы учеников, стремясь обеспечить им материальную поддержку («выбиванием» стипендий, премий, предложением выгодных переводов и репетиторства; он старался трудоустроить их, если не в Московский, то в какой-либо провинциальный университет. И тем не менее позже ученики Ключевского осознавали себя сообществом, научной школой, а ученики Герье выражали сомнения в существовании у своего учителя особой научной школы.

Ключевский и Герье ощущали свою непохожесть, и отношения их не были безоблачными. Об этом свидетельствуют два архивных документа, ещё не введенные в научный оборот. Первый – это письмо В.О. Ключевского без даты (см.: АРАН. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 1-4об.). В описи оно предположительно адресовано Виноградову, Однако анализ письма позволяет нам выдвинуть гипотезу, что письмо написано весной 1875 года и адресовано А.А. Шахову. Критикуя планы Герье вести на Высших женских курсах письменные экзамены, где вопросы бы формулировались не традиционно, а проблемно, «для решения коих записки служили бы только материалом», Ключевский в раздражении даёт другу ряд едких характеристик. По его мнению, Герье – «русский немец», «русский иностранец» эклектично стремится соединить «французский корсет», «немецкую книгу» и «рюмочку», «чтобы усвоили всё, из чего сшита его сборная добрая природа» (Герье происходил из семьи эмигрантов немецко-французского происхождения). Он хочет «чтобы мы стали международными бродягами, изучающими сравнительным методом всемирную порнографию» (Л. 1об-2). Ключевский обвиняет Герье в том, что по его «тщательно, но неудачно» скрываемым взглядам «русская история... лишнее, но неизбежное педагогическое бремя, необходимая ненужность, что-то вроде *земской* натуральной повинности, наложенной обычаями страны на учащиеся души, из которых надо выделать немецко-французских космополиток с еврейским запахом». Ключевский даже думает об уходе с Курсов, но пишет: «...я не могу уйти, если Г. не пустит: мы с ним старые товарищи по курсам, и было бы не товарищески с моей стороны уйти молча. Притом я считаю Г. *ненашим*, но порядочным человеком» (там же. Л. 3). При этом он признает «преподавание на курсах правильно поставленным» (л. 3об). Возможно, что

письмо не было отослано (второй вариант, похожий на беловой, остался в архиве Ключевского). Выговорившись на бумажном листе, он смирился с «русским немцем» и продолжал работать на благо женского образования вплоть до закрытия курсов в 1888 г., где произнёс прочувственную речь о заслугах Герье в деле распространения просвещения среди русских женщин (см.: Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 178). Однако критичное отношение к Герье сохранялось. Известен афоризм Ключевского: «У В. Г[ерь]е сделочная, нотариальная совесть» (Ключевский В.О. Соч. Т. 9. М., 1990. С. 377).

Герье также видел не устраивавшие его черты характера Ключевского, о чём свидетельствуют воспоминания его друга и соседа Н.П. Вишнякова, который записал то, что рассказывал ему в начале XX века сосед в неторопливых ежевечерних беседах. Значительный отрывок этих воспоминаний посвящён Ключевскому. Так, Герье высказывает своё предположение о том, что в отставку из Духовной Академии Ключевский подал, «условно рассчитывая, что его будут упрашивать остаться» (ЦИАМ. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 34. Л. 82). Герье считал: «В.О. – большой политик и при этом хамелеон. Он пережил несколько радикальных перемен в своих воззрениях. При появлении новых течений, Ключевский опять усваивает себе их» (л. 83). Герье рассказывает о случае, когда тот в лекции на женских курсах «поносил Екатерину II как публичную женщину», за что главу педагогического совета курсов С.М. Соловьёва вызывали для порицания к генерал-губернатору (там же. Л. 82об). Ключевский нападал «на земство, как на учреждение вредное», что вызвало его спор с Герье. Воспоминания и события 1894 года, когда из-за лекции Ключевского в университете начались студенческие беспорядки. Вишняков записывает слова Герье о Ключевском: «Я думаю, что он человек неискренний, фальшивый в том смысле, что на него положиться нельзя [...]. А так, в частной жизни, он человек порядочный, далеко не дурной; как профессор, он очень учёный и прекрасный лектор...» (там же. С. 83).

В этих перекрёстных характеристиках двух соратников поражает их некоторая схожесть: обвинения в приспособленчестве («У Герье сделочная совесть», «Ключевский – хамелеон»), однако оба «порядочные люди», и авторы не хотят порывать отношений друг с другом. Очевидно, что различия в научных и политических взглядах порождали некоторую напряжённость в их отношениях, что не мешало двум профессорам совместно трудиться на благо российской науки и просвещения, для которых были необходимы и талант Ключевского, и методичное упорство Герье.

**Тимофей Николаевич Грановский – родоначальник
отечественной корпорации профессиональных историков**

Именно с Тимофея Николаевича Грановского (1813-1855) принято рассматривать состояние отечественных исторических исследований не просто как индивидуальное ремесло (в этом деле и до Грановского в изучении русской истории существовали общепризнанные вершины), но именно как «корпоративную научную деятельность».

Образцом научной корпорации для молодого Грановского стала университетская атмосфера в Германии. Обучаясь в 1836-1839 гг. в Берлинском университете истории, философии и языкам, Грановский получил уникальную возможность общения с корифеями европейской науки. Особое влияние на него оказали историки и политологи Леопольд Ранке и Фридрих Раумер, один из основоположников новейшей географии Карл Риттер, юрист Фридрих Савиньи, философы-гегельянцы Эдуард Ганс и Карл Вердер. В Берлине Грановский еще более сдружился с лидером русских «гегельянцев» Н.В. Станкевичем.

А.И. Герцен, хорошо знавший и Грановского, и Станкевича, отмечал, что при наличии «много сходного в нраве, в направлении, в летах», тем не менее, «в стремлениях и силе двух юношей было огромное различие»: Станкевич, с ранних лет закаленный гегелевской диалектикой, имел «резкие спекулятивные способности», позволившие ему быть безоговорочным лидером сравнительно узкого философского кружка. Грановский же, по мнению Герцена, «не имел ни любви, ни таланта к отвлеченному мышлению... из него никогда бы не вышел отвлеченный мыслитель». Но зато «Грановский думал историей, учился историей и историей впоследствии делал пропаганду». Именно в этой логике и произошел в русском гуманитарном знании переход от «философской кружковщины», лучшим образцом которой был рано умерший Станкевич, к университетской корпорации ученых-гуманитариев во главе с Грановским.

Начав свой курс лекций в Московском университете осенью 1839 г., Т.Н. Грановский, несмотря на тихий голос и скверную дикцию, вскоре стал самым популярным лектором университета. Слушатели, приходившие с разных факультетов и до отказа заполнявшие лекционную залу, вполне понимали главное: прогрессистские настроения молодого профессора-европеиста шли вразрез с господствовавшей в николаевскую эпоху и административно насаждаемой «теорией официальной народности», объясняющей неизбежность русских порядков раз и навсегда заданным «цивилизационным кодом».

Позднее это удивительное свойство Грановского – «мыслить и учить историей» – особенно ценил другой выдающийся русский историк, В.О. Ключевский, который полагал, что именно от Грановского «пошло университетское предание, которое чувствует, которое носит

в себе всякий русский образованный человек»: «Грановский преподавал науку о прошедшем, а слушатели выносили из его лекций веру в свое будущее, ту веру, которая светила им путеводной звездой среди самых беспробудных ночей нашей жизни... История, сохраняя в чтениях Грановского свой строгий характер науки, становилась учительницей жизни...».

Довольно быстро универсалист и либерал Грановский убедился в существовании в московском университете сильной конкурирующей «партии самобытников» во главе с С.П. Шевыревым. Шевырев до этого несколько лет прожил в Италии, обладал большой эрудицией в области истории русской словесности и поначалу пользовался авторитетом у студентов. Однако очень скоро его личностные качества стали вызывать нарастающее неприятие. Похоже, разделение тогдашней университетской профессорско-студенческой корпорации на две «партии» – самобытников и европеистов, консерваторов и либералов – имело в своей основе не только различия мировоззренческие, но и, так сказать, «стилистические», что для чуткого к таким вещам студенчества имело немалое значение. В этом смысле «искательствующему почестей», «трескучему» на кафедре и бесцеремонному в быту Шевыреву зримо противостоял независимый, скромный, обаятельный и демократичный Грановский, который никогда не ограничивал своего общения со студентами формальными отношениями. Студенческий выбор между «партией Шевырева» (М.П. Погодин, И.И. Давыдов, О.М. Бодянский) и «партией Грановского» (куда входили «западники» Н.И. Крылов, П.Г. Редкин, К.Д. Кавелин, Д.Л. Крюков, П.Н. Кудрявцев) был предопределен.

«Стилистику» поведения Грановского в Московском университете, тайну его обаяния и авторитета раскрыл Герцен в посвященной уже умершему к тому времени другу главе в «Былом и думах»: «Грановский напоминает мне ряд задумчиво покойных проповедников-революционеров времен Реформации – не тех бурных, грозных, которые в "гневе своем чувствуют вполне свою жизнь", как Лютер, а тех ясных, кротких, которые так же просто надевали венки славы на свою голову, как и терновый венок».

Внезапная кончина императора Николая Павловича в феврале 1855 г. и воцарение его сына Александра II, казалось, не только привели к серьезным изменениям в жизни страны, но и благотворно сказались на положении самого Грановского. В мае 1855 г. приободрившаяся московская профессура выбрала его (вместо Шевырева) деканом историко-филологического факультета Московского университета. Грановский получил звание «коллежского советника» (гражданский чин VI класса в «Табели о рангах»), соответствующий воинскому званию полковника) и был награжден орденом Анны 2-й степени... Однако сердце Грановского, никогда не отличавшегося завидным здоровьем, было уже необратимо изношено.

Тимофей Николаевич Грановский скончался от внезапного инфаркта 4 октября 1855 г. в своем доме в Малом Харитоньевском переулке в возрасте 42 лет. 6 октября вечером друзья и студенты собрались на его квартире, а затем перевезли гроб с телом в Университетскую церковь Святой великомученицы Татьяны на Большой Никитской, где и провели остаток ночи перед похоронами. (Тогда и зародилась между товарищами и учениками Грановского, раскиданных жизнью по всей России, традиция собираться каждый год 6 октября на его могиле).

7 октября утром, после отпевания, большая толпа людей двинулась вслед за гробом через Моховую, Лубянку, Сретенку, Мещанскую на Пятницкое (Крестовское) кладбище Москвы; здесь университет приобрел участок земли в 3-ем, самом скромном разряде, где хоронили московскую бедноту. Друзья, ученики, студенты несли гроб на руках до самой могилы. Позднее, на деньги, собранные студентами, над могилой был установлен обелиск из темно-красного гранита. На нем надпись: «Тимофею Николаевичу Грановскому (1813–1855). Студенты Московского университета».

Споры об уникальной роли, сыгранной Т.Н. Грановским в истории русской культуры с его кончиной лишь усилились. Профессор-историк остался одной из главных мишеней со стороны «самобытнической партии». В черновых записях к роману «Бесы» Достоевский прямо отождествляет Степана Верховенского – с Грановским, а его сына Петра – с Нечаевым.

Обвинения «западника» Грановского в «непатриотизме», а иногда и в прямом «национальном нигилизме» со времен Достоевского не утихли. Эти инвективы не только несправедливы, но и исторически ущербны. Очень точно высказался по этому поводу В.О. Ключевский, которого и самого не раз упрекали и в «западничестве», и в «либерализме». В 1905 г., когда в России отмечалось 50-летие кончины Грановского, Ключевский заметил: «Лекции Грановского о Греции и Риме, о феодальном средневековье воспитывали деятельную любовь к русскому Отечеству, ту энтузиастическую жажду работы на его благо, ту крепость общественного духа, которая помогла лучшим русским людям минувшего полувека пронести на своих плечах, сквозь вековые препятствия, все тягости преобразовательной эпохи... В эпоху общего нравственного колебания и общественного уныния Грановский, вещая правду и свободу, стоял на своем месте твердо и прямо. Имя его стало лозунгом, символом общественного возрождения, совершаемого переработкой слова науки в дело жизни».

**Научные сообщества историков-исследователей
Северного Кавказа второй половины XIX – начала XX в.**

Вторая половина XIX – начало XX в. связаны с освоением новых северокавказских территорий, научным изучением региона силами столичных ученых – сотрудников научных учреждений и обществ и провинциальных исследователей – сотрудников северокавказских статистических комитетов, Ставропольской губернской ученой архивной комиссии и северокавказских научных обществ. Исследованием региона начали заниматься научные общества и учреждения, чья деятельность нашла поддержку среди местной администрации, оказавшей финансовую помощь в изучении края, местной интеллигенции и военных, которых активно вовлекали в исторические, археологические и этнографические исследования.

Главными центрами по изучению региона в этот период стали крупнейшие научные общества России: Императорское Русское Географическое общество (1845) и его Кавказский отдел (1850), Общество любителей естествознания при физико-математическом факультете Московского университета (1863), и его Этнографический отдел (1867), Императорское Московское археологическое общество (1864), которые в институциональном отношении представляли собой своеобразные научные центры по изучению региона. Их структура, специфика работы с провинцией, исследовательские программы, направленные на изучение истории, археологии и этнографии Северного Кавказа, а также методы работы способствовали оживлению научного интереса к историческому прошлому края, консолидации местных исследовательских сил и дальнейшему развитию северокавказской историографической традиции.

Систематическое археологическое обследование Северного Кавказа во второй половине XIX в. осуществляло центральное координирующее археологическое учреждение России – Императорская Археологическая комиссия (1859), совмещавшая в себе научно-исследовательские, охранные и реставрационные функции. Члены комиссии А.А. Бобринской, В.Г. Тизенгаузен, Н.И. Веселовский, Н.П. Кондаков, Д.Я. Самоквасов, Н.Е. Макаренко, Н.Я. Марр, Э.А. Реслер и др., а также любители древности, тесно сотрудничавшие с комиссией, внесли неоценимый вклад в развитие северокавказской археологии. Ими были исследованы и спасены от разрушения многочисленные памятники археологии, сохранены уникальные свидетельства о древностях различных народов Северного Кавказа. Аналитическое осмысление добытого археологического материала происходило позже, уже в советский период развития отечественной исторической и археологической науки. При участии правительства и

Археологической комиссии в Тифлисе был образован Кавказский археологический комитет (1871), преобразованный позже в Тифлисское общество любителей кавказской археологии (1873).

Важную роль в развитии исторических исследований сыграли северокавказские (Ставропольский губернский (1858), Терский (1872), Кубанский (1879) и Дагестанский (1899) областные) статистические комитеты. Их деятельность позволила значительно расширить источниковую базу исторических исследований, воссоздать событийную сторону локальных исторических процессов, происходивших на Северном Кавказе с древности до начала XX в. Как и в большинстве других провинциальных городов России, северокавказские статкомитеты стали первыми научными центрами, которые объединили вокруг себя провинциальную интеллигенцию, занимавшуюся археологическими, этнографическими и историческими исследованиями. Результаты научно-исследовательской деятельности членов статкомитетов публиковались на страницах их периодических изданий, которые, как и труды северокавказских научных обществ, являлись составной частью издательского репертуара региона в рассматриваемый хронологический период.

Активизация местных исследовательских сил во второй половине XIX в. при содействии столичных научных учреждений и обществ обусловила создание целого ряда северокавказских научных обществ, ставших своеобразными «точками роста», вокруг которых происходило формирование интеллектуального пространства (Ставропольское епархиальное церковно-археологическое общество (1894), Общество любителей изучения Кубанской области (1897), Общество любителей казачьей старины, Общество распространения в народе грамотности и полезных знаний (1901), Кавказское горное общество (1902), Кубанское общество народных университетов (1907), Терское общество любителей казачьей старины (1909), Ставропольское общество для изучения Северо-Кавказского края (1910), Кубанское общество любителей изучения казачества (1911), Терское общество защиты и сохранения памятников старины (1915) и др.). Основными направлениями их деятельности были археологические, этнографические, историко-краеведческие исследования, охрана памятников древности, музейная, просветительская и издательская деятельность. Они явились самостоятельными историко-краеведческими центрами, развитие которых определялось их организационными и материальными возможностями, самобытностью местной проблематики. Работа обществ стала тем самым подготовительным фундаментом, на котором в XX столетии развернулась деятельность последующих поколений историков по созданию фундаментальных трудов по региональной истории.

В северокавказских научных учреждениях и обществах работали как профессионалы, так и историки-любители, которые состояли в нескольких обществах одновременно, что было характерно для поре-

форменной российской провинции в целом. Большинство северокавказских историописателей были выходцами из среды образованного чиновничества и учительства, отчасти из среды духовенства. Среди них было немало представителей из числа горской интеллигенции, выпускников Ставропольской мужской гимназии, военных. Они работали в статистических комитетах, состояли членами научных обществ, бескорыстно занимались научными исследованиями и просветительством, создавали музеи и библиотеки. Среди них: А.П. Архипов, И.В. Бентковский, Г.А. Вертепов, В.Ф. Владимирский, Н.И. Воронов, Б.М. Городецкий, Н.Ф. Грабовский, С.К. Даль, Н.Я. Динник, А.Н. Дьячков-Тарасов, М.И. Ермоленко, К.Т. Живило, М. Заалов, А.-Г. Кешев, Д.С. Кодзоков, М.В. Краснов, В. Кудашев, Н.Т. Михайлов, Д.М. Павлов, Г.К. Пправе, Г.Н. Прозрителев, Л.П. Семенов, П. Тамбиев, А.И. Твалчредидзе, П.И. Хицунов, Б. Шаханов и многие другие.

Как правило, их труды были выполнены в форме краеведческих и топографических описаний. Это был наиболее распространенный тип научной работы во второй половине XIX – начале XX в. Им был присущ комплексный подход, одновременное наличие исторических, археологических, этнографических, статистических и географических сведений и т.п. Работы их были определенным этапом на пути создания обобщающих трудов по истории Северного Кавказа, способствовали накоплению источниковой базы, углублению и дифференциации исторической тематики. Содержащийся в них разнообразный материал позволяет не только воссоздать историю прошлого региона, но и увидеть сам процесс «создания» исторической науки в провинции.

В. П. Корзун (Омский ГУ)

**Научное сообщество отечественных историков
в коммуникативном пространстве XX века
(конструирование нового проблемного поля)***

В данном докладе автор намерен представить некоторые итоги исследования омских историографов в рамках проекта «Образы отечественной исторической науки в контексте смены познавательных парадигм (вторая половина XIX – начало XXI в.)». Один из этапов разработки проблемы связан с попытками идеальной реконструкции коммуникативного поля отечественной исторической науки в XX веке.

О мотивах обращения к теме. Авторы проекта исходили из того что тот или иной образ исторической науки складывается в научном со-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009-2013 гг.», государственный контракт № 02.740.11.0350.

обществе и проговаривается/утверждается благодаря разнообразным коммуникативным практикам, то есть на этапе замысла проекта обращение к коммуникативному полю предполагалось как «контекстное сопровождение» образов науки. Но по мере проникновения в тему проблема приобретала все большую значимость и обозначилась как вполне самостоятельная. Несколько неожиданно для себя мы стали «конструкторами» нового проблемного поля, что не могло не спровоцировать, в свою очередь, интереса к такой трансформации и выявлению её мотивов. Проблемное поле науки – это своего рода барометр, фиксирующий подвижное состояние функционирующих в научном сообществе идей, задач, средств и форм научного исследования. Это живое, провокативное дыхание науки. Признавая безусловно персонифицированный характер идей/проблем, обратим внимание на корреляцию проблематики с укорененными моделями науки, разделяемыми большинством научного сообщества. Нарушение же «чистоты проблематики», интеллектуальная напряженность, выход в маргинальное пространство, ситуация «крупного разговора» часто являются симптомами становления нового образа науки, новой модели научности. Вряд ли целесообразно выстраивать иерархию методологических парадигм и исследовательских практик, но нельзя не обратить внимания на тот факт, что становление новых моделей научности во многом предвосхищается на уровне конкретных исследований – интеллектуально-очевидное переходит в научно-проясненное.

Своеобразную «проблемную» революцию можно заметить в дисциплинарном поле историографии, что воспринимается частью научного сообщества как смерть дисциплины, это обстоятельство проблематизирует роль субъекта познания, носителя тех или иных идей, его профессиональную идентификацию, осознание своего места в иерархичной институциональной системе организации науки. Интересующая нас проблематика коммуникативного поля исторической науки изначально междисциплинарно ориентирована, является отражением и иллюстрацией этого процесса.

Она позволяет прояснить, на наш взгляд, и процесс поиска новых историографических парадигм, явные или неявные попытки примерки на себя неоклассической и постнеклассической моделей науки, и собственно «творение» этих парадигм.

Историографические подступы к проблеме. Появление в XX веке коммуникативных теорий спровоцировало исследовательский интерес к способам функционирования научных сообществ. Теоретические и конкретно-социологические наработки Ю. Хабермаса, Р. Мертона, Т. Куна, П. Бурдьё, Р. Коллинза, М. Кастельса и др. расширили и трансформировали проблемное поле исследования истории науки. В отечественной традиции выделим два параллельных процесса в изучении научных коммуникаций: 1) науковедческие исследования, в которых представлена теоретическая рефлексия (А.П. Огурцов, А.В. Юревич, А.Г. Аллахвердян, В.В. Ваганов, А.В. Литвинов,

М.Г. Ярошевский); 2) конкретные историографические практики, преимущественно схолярные, где проблематика коммуникаций постепенно из эпизодической, маргинальной превращается в весьма значимую. На протяжении последних примерно тридцати лет заметна быстрая смена образов историографии, связанная с антропологическим и культурологическим поворотами. Неоклассическая модель историописания актуализировала интерес к интеллектуальной культуре, способам ее циркуляции, к акторам интеллектуального процесса, выдвинув на авансцену исследование коммуникативных практик, что отражало преодоление позитивистской, линейной схемы развития истории науки как таковой, в том числе и истории исторической науки. Наиболее объемно, масштабно и профессионально-корректно коммуникативное поле русской исторической науки в контексте новых парадигм представлено в монографии М.П. Мохначевой «Журналистика и историческая наука» (Кн. 1–2. М., 1998, 1999).

Для постнеклассической модели научности, которая находится в процессе своего становления, характерен образ науки, как сети (М. Кастельс, Р. Коллинз). Сеть выступает как новое пространство, пространство собственно информационное. Сетевая модель науки ориентирует исследователя на поиск интеграции антропологического, культурологического, лингвистического, микроисторического подходов в изучении интеллектуальных процессов. Как отмечает Л.П. Репина, для Р. Коллинза «локальная ситуация выступает как безусловно необходимая, отправная, но не конечная точка анализа» (Репина Л.П. Теоретические новации в современной историографии // Харькiвський історіографічний збірник. Вип. 10. Харків, 2010. С. 34). По Коллинзу, «никакая локальная ситуация не является одиночной; ситуации окружают друг друга во времени и пространстве. Макроуровень общества должен быть понят не как слой, расположенный вертикально над микро- (как если бы он находился в другом месте), но как развертывание спиралей микроситуаций. Микроситуации встроены в макропаттерны, являющиеся именно теми способами, которые связывают ситуации друг с другом... Мы можем понимать макроструктуры, не реифицируя (не овеществляя) их, как если бы они были сами по себе существующими объектами, но рассматривая макро- как динамику сетей, объединение цепочек локальных столкновений...» (Коллинз Р. Социология философии. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002. С. 67). В этом ракурсе коммуникативное поле получает статус самостоятельной и чрезвычайно сложной проблемы – это, по существу, новый понятийно-терминологический инструментарий, соответствующий сетевой модели исследования науки и одновременно – новое проблемное поле. А сама сетевая модель, как продукт постнеклассической науки, ориентирует исследователя на преодоление кумулятивистского подхода к истории науки, поскольку изначально задает параметры объемного видения проблемы, сетевое пространство мно-

гомерно – исследователь фокусирует на себе и накопленный культурный капитал в рамках горизонтальных связей, и институциональный капитал в рамках вертикальных связей, и межличностные отношения, затрагивающие сферы передачи эмоциональной энергии.

О некоторых результатах исследования. Авторами проекта под коммуникативным полем науки понимается социальное пространство институций и связей, в котором рождаются, функционируют, трансформируются и умирают научные идеи. Коммуникативное поле имеет сложную структуру, представляющую единство **внутринаучных коммуникаций** (которые могут быть как внутридисциплинарными, так и междисциплинарными) и **внешних коммуникаций**, связанных с социокультурным контекстом, включающим и властный уровень. Названные структурные компоненты коммуникативного поля могут носить как **личностный**, так и **институциональный** характер. В качестве **акторов** коммуникации может выступать и отдельная личность, в нашем случае – историк, и отдельные институты – как формальные, так и неформальные.

Нами условно выделено несколько вариантов типологии научных коммуникаций в исторической науке. Они варьируются в ракурсах от решаемых задач исследования, и, соответственно, разные критерии могут быть положены в основу той или иной типологии в зависимости от целеполагания.

1. По направленности коммуникации могут быть внутринаучными и внешними (с обществом, властью, бизнесом и т.д.).

2. По акторам (основным участникам) коммуникации могут быть выделены коммуникации личностные, групповые и институциональные. В свою очередь, личностные коммуникации могут носить как приватный, так и официальный характер.

3. По способу трансляции информации коммуникации могут быть устными, письменными, печатными, Интернет и др. Преобладающим способом трансляции в исторической науке вплоть до второй трети XX в. является письменный текст.

4. По критерию иерархичности – можно выделить горизонтальные и вертикальные коммуникации. В реконструкции данных коммуникаций для нас принципиально важны методики Р. Коллинза и П. Бурдьё.

5. По механизму трансляции дисциплинарных нормативов выделяются: диссертация с обязательным авторефератом, дискуссия, рецензия, публикации и требования к ним, различного рода методические рекомендации и учебные пособия и т.д.

6. По критерию форм организации научного текста выделяются **внутритекстуальная, внетекстуальная и интертекстуальная научные коммуникации**. Применительно к исторической науке этот уровень коммуникации является чрезвычайно важным.

7. По критерию культурного взаимодействия выделяют **внутрикультурную коммуникацию и межкультурную коммуникацию**. Межкультурная коммуникация в силу специфики работы историка в свою очередь подразделяется на коммуникацию между различными национальными школами и на коммуникацию между историками, представляющими различные эпохи.

8. По степени интенсивности коммуникации можно разделить на **постоянные, ограниченные или эпизодические**.

Представленная типология может служить своего рода исследовательской программой/моделью для идеальной реконструкции коммуникативного поля исторической науки. Отсутствие цельной картины коммуникативного поля исторической науки в XX в., отсутствие сетки основных институтов коммуникаций, непроясненность их влияния на исследовательские стратегии историков определили исходную локацию нашего исследования – это: 1) инфраструктура исторической науки в контексте интеллектуальной географии и 2) площадки интенсивного накопления научной информации и каналы ее трансляции. К сожалению, объем тезисов не позволяет конкретизировать обозначенные сюжеты, привязать их к источникам и эпохе, это я намерена сделать в докладе.

С. Б. Крих (Омский ГУ)

Дискуссия как средство коммуникации в научном сообществе и советская историография древности

В настоящее время в отечественной историографической науке появились две тесно связанных тенденции, которые свидетельствуют о том, что, возможно, переходный период послесоветских лет подходит к концу.

Первая выражена в желании осмыслить и даже согласовать теоретическую базу исторической науки вообще и историографии в частности. Ясно, что большинство исследователей не хочет, чтобы это было сделано на основе любого вида монистической философии (и уж тем более, монистической идеологии), что многие желали бы учесть опыт дискуссий о природе исторического познания, развернувшихся в западной науке и достигших своего пика в 70-80-е гг. XX в., но при этом безграничная и поверхностная методологическая свобода минувших двух десятилетий, когда простое заимствование и компилирование (в экзотических случаях дополняемое изобретением) терминов выдавалось за новое достижение в истории идей, наконец-то вышла из моды. Речь идет, в первую очередь, о восстановлении единого коммуникативного поля, в пределах которого историки могли бы элементарно понимать друг друга. В противном случае нормальная научная дискуссия становится невозможной.

Вторая тенденция полностью согласуется со спецификой исторического знания: историк не может быть теоретиком вне практики. Поэтому, желая выяснить основы своей методологии, он обязан применить их на конкретном материале, или, лучше сказать, только работая с историческим материалом, историк в состоянии сформировать жизнеспособную методологию. В отношении историографии это означает стремление по сути дела заново написать историю исторической науки: в первую очередь, собственной, отечественной. На первом месте в этом новом создании образа науки стоит советский период: поскольку его специфика и его итоги до сих пор определяют мышление и колебания современного этапа.

Мы предлагаем рассмотреть один из аспектов коммуникативного поля – научную дискуссию, последовательно: в теоретическом и в историографическом аспектах.

1. Дискуссия как форма коммуникации. То, что дискуссия возникает благодаря коммуникации и сама способствует интенсификации коммуникаций, очевидно. Важнее обратить внимание на то, какие возможности интенсификации общения она предоставляет и каким образом влияет на достижение наукой ее целей. Для этого необходимо раскрыть содержание другого важного понятия: коммуникативного поля.

Мы предлагаем понимать под коммуникативным полем совокупность связей (коммуникаций) между членами того или иного сообщества, общая цель деятельности которого касается какого-либо объекта.

Дискуссии являются узловыми элементами коммуникативного поля науки. В образном отношении дискуссия есть война, в которой присутствует манифестация силы (заглавная статья или серия статей, начинающих дискуссию), объявление «военных действий» (выдвижение противной точки зрения с подчеркнутым стремлением опровергнуть выводы другой стороны), сами эти действия (сочетание аргументов и контраргументов), итог (полное или частичное признание правоты по принципиальным аспектам одной или обеими сторонами, иногда с завершающими дискуссию итоговыми статьями, монографиями) и последствия (например, коллективные труды по конкретной проблеме, написанные с учетом результатов дискуссии, историографические работы, излагающие ее ход). К этому основному протеканию дискуссии добавляются «привходящие элементы» (тем не менее, важные в свете конкретной ситуации): личные отношения участников спора; деление на «своих», «чужих» и «нейтральных» (группы последователей крупного ученого, научные коллективы, редакционные коллегии); отражение дискуссии за пределами ученого сообщества (реакция власти и общества; средств массовой информации; популяризаторов науки; иногда – отражение в художественном творчестве). Намеченная выше последовательность развития дискуссии может быть прервана на любом этапе; кроме того, любой из этапов может проходить в снятом, «скомканном» виде, сливаясь с со-

седними этапами: под давлением тех или иных обстоятельств (повторного развития дискуссии, когда основные аспекты уже ясны; вмешательства со стороны, искажившего картину противостояния). Если дискуссии имеют возможность развернуться в полную силу, они проявляют себя как высший аспект коммуникации – как всякая война, они заставляют мобилизовать все аргументы и факты, задействовать максимум коммуникативных каналов.

2. Специфика дискуссий в советской историографии. Феномен советского времени – незавершённые или прерванные дискуссии (причём прерванные – один из подвидов незавершенных), что показывает нам, насколько важную историографическую роль играет их анализ. Внешние обстоятельства всегда навязывали дискуссиям советского времени определенную форму и определённые следствия. Лучший пример – исход дискуссии об азиатском способе производства в 1932-1934 гг.

В послесталинский период произошла некоторая трансформация: дискуссии все так же не имели возможности развернуться полностью, но в них всегда был велик подтекст – тот аспект, который участники умели «читать между строк». Пример противостояния А. И. Данилова группе «структуралистов» (Данилов А.И. К вопросу о методологии исторической науки // Коммунист. 1969. № 5. С. 68-81) – яркий образец незаконченной дискуссии: хотя А. Я. Гуревич и написал ответ Данилову, тот не был опубликован. Именно с этого времени единое коммуникативное поле советской науки начинает расплзаться: дискуссия как форма коммуникации в рамках целостного поля изжила себя (Гуревич и Данилов могли корректно спорить каждый в своём кругу, но за их пределами наступал не просто конфликт, а скандал), и наступила пора «замкнутых» дискуссий (в Тартуском университете, в отдельных вузах), которые и не стремились выходить вне круга «посвященных», тем самым обрекая «официальную» науку на внешне бесконфликтное, но при этом бесперспективное существование. Не случайно, что начало 1980-х годов серьезных дискуссий не знало.

А. А. Кузнецов (Нижегородский ГПУ)

Отзывы Н. И. Кареева, Е. А. Косминского, В. Н. Бочкарева в 1929 г. о научных работах С. И. Архангельского

Сложилась традиция жизнеописания известного ученого, историка, члена-корреспондента АН СССР С.И. Архангельского. В ней утвердилось необоснованное положение о том, что «всеобщник» Архангельский в 1920-е гг. вынужденно занимался отечественной историей, будучи отрезанным от столичных библиотек. Однако Архангельский, подобно другим представителям «московской истори-

ческой школы», сочетал исследования по истории России и всеобщей истории [Кузнецов А.А., Мельников А.В. Новые источники по научной биографии С.И. Архангельского // Нижегородское исследование по краеведению и археологии. Вып. 9. Нижний Новгород, 2005. С. 161-172, 176-177]. Были обнаружены свидетельства того, что и в 1930-е и в 1940-е гг., привычно связываемые с изучением истории Англии, Архангельский исследовал отечественную историю [Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 6299. Оп. 1. Д. 37. Л. 9, 82, 84, 87, 211-212; Д. 53. Л. 571-572; Д. 73 и др.; Кузнецов А.А., Мельников А.В. Ук. соч. С. 174-176].

Аргументом в утверждении тезиса о широте научных навыков и интересах ученого являются свидетельства того, что в 1920-е гг. он сочетал краеведческие изыскания с изучением революции в Англии. В 1924 г. С.И. Архангельский обратился к Н.И. Карееву, чтобы узнать его мнение об изучении аграрного законодательства Английской революции. Кареев отозвался скептически, но затем стал первым читателем работ Архангельского [Кузнецов А.А. Письма Н.И. Кареева к С.И. Архангельскому // Национальный/социальный характер: археология идей и современное наследие. М., 2010. С. 294-295]. Е.А. Косминский, закончивший Московский университет тремя годами позже С.И. Архангельского, учился у тех же историков (Д.М. Петрушевский, А.Н. Савин, Р.Ю. Виппер), у которых Архангельский готовился сдавать магистерские экзамены [ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 9. Л. 5, 36 об.]. В мае 1926 г. Косминский писал, что вне лондонских библиотек нельзя изучать аграрные законы Английской революции. В 1942 г. Косминский вспоминал, как он стремился опубликовать перевод Архангельским книги Пиренна [ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 193. Л. 1, 13]. Безуспешно помогал в 1926 г. издать перевод Пиренна и В.Н. Бочкарев, специалист по истории России. Профессор Московского, Ярославского университетов Бочкарев до 1930 г. приезжал в Нижний Новгород и читал лекции в вузах, где работал Архангельский [ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 114. Л. 3-3 об., 5].

Эти специалисты в 1929 г. дали отзывы о научной деятельности Архангельского, когда ему нужно было получать звание доцента по кафедре всеобщей истории.

Н.И. Кареев высоко оценил труды С.И. Архангельского об аграрном законодательстве Английской революции, отметил вдумчивое и критическое отношение к источникам, напутствовав коллегу идти по удачно выбранному научному пути [ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 9. Л. 93-94].

Е.А. Косминский сосредоточил внимание на англоведческих работах С.И. Архангельского. «С научной работой С.И. Архангельского знаком по его статьям «Локальный метод в исторической науке», по книжке «Указ Диоклетиана о таксах», по рукописи «Секвестры владений деликвентов в 40-х годах XVII в. в Англии», по его докладам и

личным беседам, касавшимся его работ по аграрной истории Англии в XVII веке». «Большой исторический такт обнаружен им в выборе... основной темы его занятий аграрной историей Английской революции... Это мало обследованная проблема, без разрешения которой... немислимо правильное марксистское понимание истории Английской революции... Недаром крупнейшие специалисты в данной области в Англии (как R.H. Tawney), выражают большой интерес к ходу работы нашего исследователя... (из частного письма Tawney ко мне). В своем обзоре..., помещенном во 2-м томе *Economic History Review* за 1928 г., я счел необходимым отметить работы т. Архангельского, как особо интересные». Подспорьем в исследованиях Архангельского стал предложенный им локальный метод [Архангельский С.И. Локальный метод в исторической науке // Краеведение. 1927. № 2]. «Все это заставляет с большим интересом следить за ходом работ т. Архангельского и ждать многого от начатого им труда» [ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 9. Л. 99, 99 об., 100].

В.Н. Бочкарев писал о работах Архангельского по истории России. «Среди почти 20 его работ, посвященных Русской истории, большая часть... Нижегородского крестьянства и аграрного движения в Нижегородской губернии (5 статей) и происхождения промышленного пролетариата Нижегородской губернии на фоне роста в ней крупной промышленности и проявления первых признаков рабочего движения (6 статей). Остальные его работы или дают характеристику местных краевых историков..., или касаются вопросов истории и методологии краеведения..., или вскрывают весьма интересные явления в прошлых судьбах Нижнего Новгорода в связи с крупными событиями общерусского значения...». «Все это говорит... о широком научном интересе С.И. Архангельского как историка-краеведа, ... о его стремлении выдвинуть для разработки... наиболее актуальные научные проблемы. При этом... его работы основаны на самостоятельном изучении свежего архивного материала..., а в методологическом отношении отличаются весьма точными и осторожными приемами исследования» [ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 9. Л. 91, 91 об., 92].

Подчеркивание в отзывах научного вклада Архангельского в разных областях исторического знания является доводом в пользу того, что в его творчестве органично взаимодополнялись штудии русской и западноевропейской истории. Архангельский не обманул ожиданий умершего вскоре Кареева, и Бочкарева, Косминского, бывших свидетелями научного роста в 1930–1950-е гг. своего коллеги из Горького. Надо констатировать и то, что обнаружены три неизвестных ранее текста историографического характера, что обогащает библиографию Кареева, Косминского и Бочкарева, и позволяет расширить представления о круге историков, с которыми Архангельский обсуждал результаты своих исследований.

**Особенности коммуникативного пространства
исторической науки в России
второй половины XIX – начала XX в.***

В современной гуманитарной мысли в связи с поворотом к историко-антропологической модели исследования актуализируется значимость изучения социальных практик творческой личности, коммуникативного пространства науки. В отечественной историографии уже наметился интерес к научным коммуникациям и их влиянию на развитие исторического знания. Авторы проекта «Образы отечественной исторической науки в контексте смены познавательных парадигм (вторая половина XIX – начало XXI в.)», используя наработки историографов и современные социологические и науковедческие подходы, представили свое видение «коммуникативного поля» науки как социального пространства связей, в котором рождаются, функционируют, трансформируются и умирают научные идеи. Была также выявлена структура коммуникативного поля науки, включающая в себя как внутринаучные, так и внешние коммуникации. Причем внутринаучные коммуникации охватывают внутридисциплинарные и междисциплинарные связи, а внешние больше ориентированы на социокультурный контекст, в котором красной нитью проходит властный уровень коммуникативных практик. В связи с изучением коммуникативного пространства отечественной исторической науки особый интерес вызывает период второй половины XIX – начала XX в., в котором коммуникативная сетка усложняется за счет появления обширной журнальной периодики, количественного увеличения специализированных научных сообществ и неформальных объединений ученых (например, журфиксов).

Складывание коммуникативного пространства исторической науки в России начинается с момента ее институционального оформления в начале XIX в. Первоначально коммуникативным напряжением обладали университеты с историко-филологическими факультетами (Московский, Санкт-Петербургский, Харьковский, Казанский) и Академия наук, которые одновременно вырабатывали и транслировали нормы профессионального сообщества. Но уже в первой половине XIX в. параллельно с ними стали возникать профессиональные сообщества историков (например, Московское общество истории и древно-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009-2013 гг.», государственный контракт № 02.740.11.0350.

стей Российских), положившие в основу своей деятельности не столько сугубо научно-исследовательские и учебно-воспитательные, сколько научно-просветительские цели. С течением времени данная коммуникационная сеть, слабее испытывавшая влияние со стороны власти, значительно расширяется, вовлекая более широкий круг профессионалов и любителей. Например, Русское географическое общество (1848-1917 гг.), Московское археологическое общество (1864-1923 гг.), Казанское общество археологии, истории и этнографии (1877-1931 гг.), Историческое общество при Санкт-Петербургском университете (1889-1917 гг.) и др. Пик появления новых исторических обществ выпадает на 1870-е – 1880-е гг., что во многом связано с самоидентификационными процессами внутри исторической науки. Каждое из вновь организованных сообществ является коммуникативной единицей, своеобразным актором коммуникативного процесса, притягивающим специалистов в области археологии, отечественной истории, византиноведения, исследований русского фольклора и народного быта и т.п.

Наряду с данной коммуникативной проекцией во второй половине XIX в. формируется новая, более эффективная в плане распространения и укрепления корпоративных норм, коммуникативная сетка в виде неформальных научных сообществ: кружков, журфиксов. Центром притяжения этих образований, как правило, была яркая личность историка, исследователя, учителя, научного наставника. Подобные неформальные структуры формируются вокруг К.Н. Бестужева-Рюмина, П.Г. Виноградова, И.М. Гревса, С.Ф. Платонова, А.С. Лаппо-Данилевского и др. Именно внутри этой сети происходит активное обсуждение корпоративных норм и прецедентов их нарушения или изменения. Яркой иллюстрацией самоидентификации внутри научного сообщества историков является проблема научных школ и ее активное обсуждение в переписке С.Ф. Платонова и П.Н. Милюкова, письмах А.Е. Преснякова к жене и матери.

При официальных научных сообществах возникают периодические издания, большинство из которых в скором времени становится самостоятельным коммуникативным каналом в ряду так называемой «письменной» или «печатной» коммуникации. Это коммуникативное пространство в России второй половины XIX – начала XX в. переживает своеобразную «коммуникативную судьбу». Во-первых, в отличие от институциональной составляющей оно подвержено строгому цензурскому контролю, заставляющему авторов и редакторов (редакторов-издателей) искать особый язык общения с недомолвками, недоговоренностями, с двойным или скрытым смыслом, намеками и т.д. Отсюда формируется характерный для данной эпохи журнальный дискурс, связанный не только с самим печатным текстом, но и с историей его опубликования (или неопубликования) и дальнейшей реакцией читающей публики. Во-вторых, «жизненность» подобных коммуникативных

звеньев зачастую бывает недолговечной, что связано с отсутствием необходимых финансовых средств для продолжения издания, узостью читательской аудитории (и отсюда «нераскупаемость тиража»), как у «Древней и Новой России») и оппозиционностью редакции. В-третьих, периодические издания обладают совершенно иной коммуникативной структурой, чем институции.

В институтах как коммуникативном пространстве исторической науки можно выделить следующие уровни: 1) *академический*, специализирующийся исключительно на научно-исследовательской работе, 2) *университетский*, занимающийся подготовкой кадров специалистов-историков и вырабатывающий официальные нормы вхождения в научное сообщество, 3) *уровень институализированных научных обществ*, заботящийся о «чистоте» научной корпорации и строгом соблюдении корпоративных норм, и 4) *неформальных научных объединений*, вырабатывающий неофициальные нормы научного сообщества и культивирующий специфические ритуалы «вхождения» молодых историков в науку.

В журнальной периодике как коммуникативном пространстве исторической науки выделяется иная структура, связанная в основном с организационными принципами оформления издания: 1) *официальные издания центральных государственных учреждений*, транслирующие необходимые власти научные нормы, 2) *периодические издания официальных научно-исторических обществ*, публикующие результаты своих изысканий (как в области сбора исторической информации, так и в сфере ее научно-исследовательской обработки) и близкие к тематике их деятельности исторические исследования, 3) *специализированные исторические издания*, сформировавшие вокруг себя сообщество единомышленников и публикующие разнообразные исторические произведения, 4) *общественно-политические и научно-просветительские издания*, в которых участие историков было фрагментарным или имело ярко выраженный политический подтекст, отсюда и коммуникативные научные стратегии не носили стабильного устоявшегося характера. Данная коммуникативная структура получает наибольшее оживление в связи с юбилейными датами и обострением социально-политических противоречий в России, выражающихся в студенческих явлениях и революционных событиях начала XX в.

Характеризуя коммуникативное пространство периодических изданий исторической науки рубежа XIX–XX вв. следует отметить, что из выделенных четырех групп наибольшую интенсивность имели специализированные журналы наподобие «Исторического вестника», которые изначально формировались как коммуникативная площадка профессиональных историков. Таких изданий было немного, но именно они концентрировали вокруг себя практически всех истори-

ков-профессионалов и даже любителей старины, на их страницах осуществлялась, как правило, внутридисциплинарная коммуникация. Второй по значимости была группа периодических изданий, выпускаемых официальными научно-историческими обществами, самыми популярными из которых были «Чтения Московского общества истории и древностей Российских». Здесь коммуникация приобретала сугубо специализированный, можно сказать, кулуарный оттенок, во многом ориентируясь на интересы своего официального органа.

Междисциплинарную коммуникацию осуществляли специализированные издания, выходившие при неисторических организациях: юридических, филологических, антропологических, географических обществах. Но участие историков на их страницах не имело систематического характера, что подчеркивало отсутствие стремления исторической науки к междисциплинарному общению и строгому ограничению «своего исследовательского поля». Особую важность приобретала внешняя коммуникация, с одной стороны, ориентированная на властный уровень, что собой и презентовал «Журнал Министерства народного просвещения», а с другой – на социокультурный контекст эпохи, связанный с непрофессиональным читателем, обывателем рубежа XIX–XX вв. Участие в первой группе журналов было подчинено особым законам, связанным с поддержанием запросов власти и, естественно, с «политической благонадежностью» автора.

Самой пестрой оказалась последняя группа журналов, где коммуникация носила непостоянный, можно сказать, случайный характер, активизируясь в юбилейные даты и значительно ослабевая в связи с политизацией того или иного издания. Но этот тип коммуникации был очень важен для исторического сообщества, так как он осуществлял обратную взаимосвязь с широкой публикой и формировал так называемый «социальный заказ» исторической тематики. Через данный канал общество узнавало о важных маркирующих моментах, происходивших внутри научного сообщества историков, таких как защита диссертаций, публичных выступлений, назначения на административные должности и т.д. На страницах этих журналов также происходило междисциплинарное общение с представителями других гуманитарных дисциплин: филологами, библиотекарями, военными, искусствоведами и даже с естественниками. Но оно зачастую также было фрагментарным.

В советский период наблюдаются трансформации коммуникативной сетки исторической науки, в частности, на некоторый период сохраняются старые журналы, появляются новые издания, меняются взаимоотношения как самих изданий, так и авторов с властью.

**Научно-публицистическая и издательская деятельность
российской эмиграции в 1920-1930-х гг.:
история коммуникативных стратегий и практик**

Массовый выезд из России в 1917-1920-х гг. лучших умов национальной интеллигенции в страны Европы, Азии, Америки – беспрецедентное по масштабам и историческим последствиям явление, изучение которого может дать ответы на многие вопросы и вызовы истории XX-XXI вв. Например, о судьбах национальных научных школ в истории мировой науки, о становлении и развитии русистики в странах Запада, о взаимодействии и взаимообогащении языков и культур национальных историографий и др.

История научно-публицистической и издательской деятельности Русского Зарубежья 1920-1930-х гг. изучена пока фрагментарно, между тем, именно этот аспект позволяет отследить процесс не только адаптации, но и сохранения и приумножения российских культурных и научных традиций в инославянском иностранном окружении.

Сегодня с известным тезисом о том, что в 1920-х гг. во Франции возникло «внетерриториальное русское государство» со своей политикой и культурой начинает конкурировать другой – о Русском Париже 1920-1930-х гг. как русском культурном мифе XX в. Разрешить этот «спор метафор» можно, на наш взгляд, на основе глубинного изучения феномена «историографического быта» русского рассеяния в сочетании с историей публицистической, издательской и книготорговой деятельности русских в странах мира, отслеживая книготорговый обмен между «столицами» «внетерриториального русского государства», понимаемого как историческая реальность, образ, миф в контексте истории адаптации русских эмигрантов, 80% из которых приходилось на интеллигенцию, зарабатывавшую средства к существованию исключительно литературным и научным трудом. В этой связи уместно вспомнить, что П.Н. Милюков насчитал 25 государств (без стран Америки), где к 1924 г. уже прочно обосновались русские эмигранты, а П.Е. Ковалевский в книге «Зарубежная Россия: история и культурно-просветительская работа Русского Зарубежья за полвека (1920-1970)» (Париж, 1971) первым поставил вопрос об «индустрии» и социализации русской эмигрантской науки в Европе.

Уже в 1920 г. Париж взял на себя роль «коммуникатора», став вскоре ведущим политическим и культурным центром русского рассеяния, передав Берлину и Праге полномочия научных столиц эмиграции, а Софии и Белграду – роль «транзитера» духовных, культурных и научных ценностей в страны Европы и мира. Такая коммуникативная стратегия русских, оказавшихся на чужбине, была предопределена исторически, обусловлена сложившейся еще до на-

чала первой мировой войны «инфраструктурой» межнационального и межкультурного диалога России со странами Европы. Ключевым в ходе этого процесса был выбор языка межкультурного общения: для российской читающей и пишущей публики французский уже в первой четверти XIX в. стал повседневным: «родным больше родного», разговорным, деловым, научным. В середине 1920-х гг. известные ученые и литераторы Русского Зарубежья опасались, что в инославянской среде носители русского языка поневоле впитывают пагубные сленговые слова, выражения и смысловые конструкции, чем грозят засорить литературный и научный язык.

Тогда же, в середине 1920-х гг., Русский Париж объявил главным инструментом самовыражения и консолидации русской эмиграции политическую и научную публицистику, а в качестве инструмента полноценного высшего образования для эмигрантской молодежи - возрождение опыта работы Русской высшей школы общественных наук, функционировавшей в 1901-1905/06 уч.г. на правах автономной структуры в составе французской Свободной Высшей школы общественных наук в Сорбонне.

В июне 1920 г. в Париже был создан «Союз русских литераторов и журналистов» (с декабря 1922 г. «Союз писателей и журналистов») во главе с историком, журналистом и политиком П.Н. Милюковым, главным редактором наиболее влиятельной эмигрантской газеты «Последние новости» (1921-1941). 25 сентября 1928 г. на открывшемся в Белграде I Зарубежном съезде русских писателей и журналистов парижская делегация была самой многочисленной, превосходившей по численности берлинский, белградский, варшавский, пражский местные союзы писателей и журналистов. Не последнюю роль сыграла спонсорская поддержка членов парижского союза и помощь русских политических, общественных и профессиональных организаций и союзов во Франции. В 1924 г. произошло объединение ряда благотворительных российских организаций, действовавших в Париже, в результате чего был создан «Союз русских обществ помощи беженцам во Франции».

В 1920-е гг. в Париже было основано восемь русских высших учебных заведений. При содействии бывшего директора Французского института в Санкт-Петербурге Жюлья Патуйе, ученых-славистов Поля Бойе и Андре Мазона и при поддержке члена правительства Эжена Пти Сорбонна согласилась принять на работу русских ученых для чтения курсов и спецкурсов по русской науке и культуре, правда, в основном на юридическом факультете, где тогда уже преподавали советское право (Б.Э. Нольде) и международное право (Б.С. Миркин-Гецевич), а также социологию и философию права (Г.Д. Гурвич). Важно и то, что русские ученые печатались в журналах, выходивших под эгидой Сорбонны. С.Н. Виноградский, Д.П. Рябушинский,

М.И. Ростовцев были избраны академиками. Этот список признания научных заслуг русских ученых во Франции можно продолжить...

Таким образом, сложилась «индустрия» и «инфраструктура» науки и образования Русского Зарубежья со своей столицей – Русским Парижем, ставшим главной «внетерриториальной» академией русского рассеяния. Уже в 1922 г. в Париже был создан Центральный Комитет по обеспечению высшего образования за рубежом. На него возлагалась задача руководства образовательным процессом во всей российской диаспоре в духе сохранения и приумножения православных культурных традиций.

Академические группы, созданные в 1917-1918 гг. в Париже при содействии православного общекультурного издательства русской книги ИМКА-ПРЕСС (УМСА-Press), основанного в 1921 г. в Праге, с 1923 г. действовавшего Берлине, а с 1925 г. в Париже, стали главными «движителями» развития русской издательской и книготорговой «индустрии» в Париже.

История парижского издательства «Полонский и К^о» (1910-1938) на фоне двух других («Русская земля» и «Франко-русская печать»), функционировавших до 1927 г., а затем еще десяти, созданных в том году в Париже, но просуществовавших недолго, формирует принципиально новый взгляд на механизм взаимодействия науки, журналистики и редакционно-издательского дела в русском рассеянии между первой и второй мировой войной, свидетельствует о том, что именно «Полонский и К^о», издательство и его книжные магазины, формировали научный книгообмен русской диаспоры в странах Европы и США, а также связь с научным миром советской России. Более того, издательство «Полонский и К^о» выпускало тиражи французских журналов – «Les Cahiers idealists» (1917-1928), «La Revue de l'Épogue» (1919-1923), «La Vie des Lettres et des Arts» (1913-1926) и, значит, было причастно к формированию интересов и вкусов современных читателей Западной Европы.

А. Н. Обухов (Брянский ГУ)

А. А. Новосельский как представитель дореволюционной школы исторической науки

Проблема взаимоотношений научной элиты и власти находится в центре внимания исторической науки уже довольно долго. Наиболее пристальное внимание в этом вопросе уделяется историкам дореволюционной школы, их творчеству в советский период.

Алексей Андреевич Новосельский – выдающийся российский историк, специалист по отечественной истории XVII в. Учился в Тамбовской мужской гимназии (ГАГО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 859. Л. 312).

По окончании ее поступил в Московский университет на историко-филологический факультет. На формирование Новосельского как историка повлияли историки юридической школы и работы Павлова-Сильванского. С самого начала учебы Новосельский заставил обратить на себя внимание. Довольно быстро он написал хорошую студенческую работу «Верховный Тайный Совет в России» и был отмечен за нее (см.: Отчет о состоянии и деятельности Императорского Московского университета за 1913 год. Ч. I. М., 1914. С. 306). После окончания учебы он был оставлен для приготовления к профессорскому званию.

За 1915-1918 гг. были успешно сданы магистерские экзамены, и в 1919 г. А.А. Новосельского зачислили в качестве университетского преподавателя русской истории. Пробные лекции в студенческой аудитории для Новосельского стали первой педагогической практикой. С 1918 г. он начинает работу в архиве МАМЮ (затем – Древлехранилище), продолжая ее до 1930 г. Эти события происходили на фоне и в условиях глобальных изменений в жизни страны, связанных с революциями и Гражданской войной. В тяжелых материальных обстоятельствах [так, годовая стипендия магистра Новосельского составляла 1200 рублей (см.: Архив РАН. Ф. 1714. Оп. 1. Д. 142. Л. 7)] приходилось работать сразу на нескольких работах. Была введена обязательная трудовая повинность. В архиве отложилась справка, выданная Новосельскому «на предмет освобождения от трудовой повинности в том, что он по званию и обязанностям службы занят научной работой, вследствие чего и на основании правил об освобождении от трудовой повинности... привлечению к работам тяжелого физического характера, как могущим отразиться на потере им его профессиональной способности, не подлежит» (Архив РАН. Ф. 1714. Оп. 1. Д. 142. Л. 1).

Л.В. Черепнин так писал в своих воспоминаниях о Новосельском в этот период: «Я пришел в архив – так называемое Древлехранилище (и под непосредственным руководством Алексея Андреевича стал изучать столбцы XVII в.)» (Черепнин Л.В. Памяти Алексея Андреевича Новосельского // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв. М., 1975. С. 18).

С 1922 по 1929 гг. Новосельский состоял научным сотрудником I-го разряда Института истории РАНИОН и был секретарем Секции русской истории. В 20-е гг. ИИ РАНИОН стал тем местом, где собирались единомышленники-историки дореволюционной школы. Они продолжали заниматься исследованием тех тем, которые были для них интересны. Во многом работа ИИ РАНИОН противопоставлялась работе Института Красной Профессуры. В этот период власть интересовала исследования истории революционного движения. В воспоминаниях С. А. Пионтковского читаем: «Бахрушин... пытается захватить в свои руки подготовку молодежи, и он пытается провести свое

собственное идеологическое построение и исторические тенденции» (Дневник историка С.А. Пионтковского (1927–1934). Казань, 2009. С. 177). В 1928 г. Яковлев и Новосельский подготовили сборник документов «Материалы поместного приказа по Новгороду и Новгородской области XVI–XVII веков» (Архив АН РФ. Ф. 665. Оп. 1. Д. 38). Пионтковский так вспоминал об этом событии: «выяснилось из разговора о Новосельском, что они закончили на средства РАНИОНа еще в октябре прошлого года какую-то работу, напечатали ее и спрятали экземпляры у себя, даже библиотеке ни одного экземпляра не дали. Вот гуси!» ([запись от 15.02.1929] // Дневник... С. 247).

В этот период выходят первые научные работы историка. В 1936 г. в работе «Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в.» (Исторические записки. Т. 4. 1938. С. 21-40) Новосельским был проанализирован процесс «наступления боярщины» в указанном регионе, в результате чего землевладение мелких служилых людей было сильно потеснено. Новосельский доказал близость этой последней формы к крестьянскому землевладению, так как приборные служилые люди в отличие от служилых людей по отчеству «получали землю не индивидуально, а целыми группами или товариществами в общей меже».

Установив еще в своих ранних работах важную роль беглых крестьян в народной колонизации, Новосельский обратился к изучению их имущественного положения. В работе «К вопросу об экономическом состоянии беглых крестьян на юге Московского государства в первой половине XVII в.» (Исторические записки. Т. 16. 1945. С. 58-64) он доказал ошибочность распространенного в тогдешней историографии «представления о том, что беглые крестьяне выходили из беднейших, экономически наиболее истощенных слоев» сельского населения, поэтому побег в одиночку, без семьи были нечастыми, являлись разведкой (там же. С. 58).

Работа проходила под весьма жестким идеологическим контролем, потому приходилось выбирать способы отстаивания своих позиций. И историки дореволюционной школы нашли выход из сложившейся ситуации, он заключался в рассмотрении каждого события в конкретном-историческом аспекте. Пионтковский о Бахрушине написал следующее: «Древнюю русскую историю, русское средневековье XVI–XVII век он знает очень хорошо. Я знаю лишь литературу, но он отлично ориентирован в архивах..., и его требования разрешать конкретно вопросы – это попытка каждый раз спрятаться за свои знания, используя свое превосходство в знаниях против наших наступлений» (Дневник... С. 177). На мой взгляд, это можно отнести к позиции многих историков старой школы.

О научном сообществе уральских историографов

Со второй половины 1950-х гг. в Уральском регионе начали проводиться систематические историографические исследования. «Патриархом» уральской историографии вполне можно назвать профессора Уральского государственного университета им. А.М. Горького, доктора исторических наук О.А. Васьковского (1922-1995). В 1950-1970-е гг. этот ученый начал активно заниматься научными исследованиями по историографии гражданской войны на Урале, в 1968 г. защитил по этой проблеме докторскую диссертацию, участвовал в организации и проведении первых в регионе научных конференций по историографии, руководил изданием целой серии историографических сборников статей. В конце 1970-х гг. он возглавил кафедру историографии и источниковедения истории СССР УрГУ – подлинную кузницу высококвалифицированных научных кадров по этим дисциплинам в Уральском регионе – и руководил ею более десяти лет, а в 1984 г. стал председателем Уральской секции Научного совета АН СССР по истории исторической науки.

Именно этим ученым были подготовлены исследователи, составившие костяк «уральской историографической школы», которую можно считать первой научной школой в области историографии на Урале. В настоящее время о своей принадлежности к «уральской историографической школе» заявляют профессора и доктора исторических наук А.Т. Тертышный, В.Д. Камынин, В.И. Усанов, Е.Б. Заболотный, А.В. Трофимов, И.В. Скипина, Е.А. Игишева, И.Г. Шишкин, несколько десятков кандидатов исторических наук, работающих во многих вузах Уральского федерального округа и за его пределами.

Отличительной чертой «уральской историографической школы» является систематичность проводимых историографических исследований. С 1980-х гг. и до настоящего времени представителями данной научной школы выпущено большое количество исследований монографического характера, как индивидуальных, так и коллективных. Результаты проводимых исследований активно используются авторами в учебном процессе. На протяжении трех десятилетий издано более десятка учебных пособий по спецкурсам по отечественной историографии, а в 2010 г. в издательстве «Высшая школа» вышло учебное пособие «Русская историография XI – начала XXI вв.», одним из авторов которого стал представитель этой научной школы В.Д. Камынин.

Особенности теории и методики исследования представителей «уральской историографической школы» можно свести к следующему. По сравнению с предшествующей историографической традицией более широким стало содержание предмета историографических исследований. Ученые не сводят деятельность историографа к анализу

исторической проблематики, но уделяют большое место изучению организации научных исследований, таких сторон историографического процесса как формирование теоретических представлений историков, историко-методологических и методологических принципов исследований с учетом специфики творчества отдельных историков, а также деятельности учреждений исторического профиля. Обязательным условием работы историографа они считают знание конкретного исторического материала, привлечение исторических источников для аргументированного анализа историографических фактов, формулирования собственного мнения по вопросам, вызывающим дискуссии в литературе.

Приведем лишь два высказывания современных историографов о вкладе «уральской историографической школы» в историографическую науку. Н.Н. Алеврас признает, что «современные представители школы существенно расширили проблемно-хронологический диапазон исследований в сравнении с периодом ее формирования, сохранив при этом свою главную отличительную черту – метод проблемно-концептуального анализа исторических исследований. Знаменательна попытка представить научный потенциал провинциальной историографии и раскрыть некоторые черты ее историографических интересов в контексте общего для российской науки теоретико-методологического переосмысления задач и принципов исторического познания» (Алеврас Н.Н. Историографические исследования в уральских научных центрах: актуальная проблематика и перспективы коммуникаций историографов в начале XXI века // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Мат. VIII Всеросс. науч. конф., 27-28 апреля 2007 г. В 2-х т. Екатеринбург, 2007. Т. 1. С. 32). В учебнике для студентов высших учебных заведений по историографии отечественной истории, его авторы – преподаватели МГУ им. М.В. Ломоносова Г.Р. Наумова и А.Е. Шикло – подчеркивают: «Первой попыткой осмыслить историографию 1980-1990-х гг. была работа Е.Б. Заболотного и В.Д. Камынина "Историческая наука России в преддверии третьего тысячелетия" (1999)» (Наумова Г.Р., Шикло А.Е. Историография истории России: Учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. М., 2009. 2-е изд. С. 10).

Кроме «уральской историографической школы» с центрами в Екатеринбурге и Тюмени в Уральском регионе в последние десятилетия полнокровно заявила о себе научное сообщество, работающее в жанре «коммуникативной историографии». Ее центром является «омская историографическая школа» (ведущий историограф – В.П. Корзун, профессор Омского госуниверситета). Стиль и принципы этой школы разделяет группа историографов Челябинского госуниверситета. Представители этого научного сообщества отказываются от давно сложившегося понимания предмета историографических исследований и предлагают историографам значительно расширить круг рассматриваемых вопросов. Омские историографы В.П. Корзун

и В.Г. Рыженко, Н.Н. Алеврас и др. исследователи из Челябинского университета, исходя из принципов антропологического подхода, концентрируют внимание на изучении истории отечественного историко-научного сообщества, особенностей его социокультурного облика и научной повседневности. Эти авторы оперируют такими понятиями как «новые образы историографии», «историографический быт», «мир историка» и т.д. Ученые настаивают на необходимости обновления историографического знания, актуальности «для историографических исследований таких областей историко-культурного знания как интеллектуальная история, персональная история, историческая (культурная) антропология, история памяти и др.»

Заканчивая размышления о научном сообществе уральских историографов, отмечая в нем уже сложившиеся научные коллективы и целые научные школы, хочется отметить, что в Уральском регионе работает большое количество профессиональных историографов, профессоров, докторов наук, формально не примыкающих к двум выделенным нами региональным историографическим школам. К ним можно отнести С.В. Рыбакова, В.И. Цепилу (Екатеринбург), В.С. Прядейна (Верхняя Салда), А.А. Кононенко (Тюмень), А.С. Верещагина (Уфа). Вероятно, перспективными можно считать усилия ученых, направленные на укрепление научных коммуникаций профессионального историографического сообщества Уральского региона. Определенным инструментом для этого служат научные конференции, подобные той, что организована историографами Челябинского государственного университета.

Каролина Полястик-Вжосек

(Университет им. А. Мицкевича, Познань, Польша)

Московско-тартуская школа как Denkkollektiv

Исходной точкой доклада является реконструкция и определение статуса категории Denkkollektiv в понимании знаменитого польского микробиолога и философа науки Людвика Флека. Его «эпистемологический коллективизм» не признает познавательной автономии субъекта: он строго зависим от других субъектов и «мыслительных коллективов».

По мнению Флека, генезис новой теории непосредственно детерминирован широко понимаемым социокультурным контекстом, т.е. переменами мыслительной культуры и «мыслительным стилем» данного исследовательского коллектива. Развивая эту характеристику и представляя основные черты оригинальной концепции Людвика Флека, поставим два вопроса. Во-первых, можно ли говорить о московско-тартуской школе как своего рода флековском Denkkollektiv; во вторых, можно ли Denkstil этого коллектива ученых признать «теориепорождающим».

Ответ на первый вопрос вынуждает проследить становление группы, начиная с 1961 г., когда состоялась конференция в Нижнем Новгороде, где встретились будущие метры школы. Далее – первые работы Ю. Лотмана «Структурно-типологические исследования» (1962), его Доклады по структуральной поэтике и, конечно, начало серии «Труды по знаковым системам» (с 1964 г.) вплоть до так называемой «второй жизни» школы.

Попробую определить основные черты московско-тартуского *Denkstil*, учитывая роль, которую сыграли тартуские семинары, которые программировал Лотман. В поисках своеобразия работы школы я отношу ее к флековским понятиям аддитивной группы или собственно коллектива.

Второй вопрос намного сложнее первого. Здесь мы обращаемся к таким составляющим – по Флеку – стиля мышления, которые невербализируются, но являются конститутивными для данного стиля. Одна из возможных дефиниций стиля мышления – «направленная перцепция, включающая осмысление и обработку того, что постижимо».

Чтобы ближе понять эту загадочную категорию, удобно отнести ее к антропологической идее «бытие там», т.е. «входом» в действительность, исследуемую (рассматриваемую) при помощи эмпатического «вчувствования». Тем более, что у основ стиля мышления – по Флеку – находится разделяемое коллективом «настроение», своего рода «климат». Можно здесь поднять проблему лидера группы, факторов, влияющих на облик коллектива (например, Казимира Твардовского и львовско-варшавскую школу).

Внешним доказательством существования коллектива является консенсус в установлении/утверждении научных фактов. «Факт должен быть отражен в стиле мыслительного коллектива». В итоге, это ведет к согласию в видении/понимании *Истины*, как «единого, согласного со стилем мышления умозаключения». Важной задачей является указание «научных фактов», определяющих тартуско-московскую школу как *Denkkollektiv*.

К. А. Руденко (Казанский ГУ культуры и искусств)

**Казанские археологи во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг.:
личности, научное творчество и модели поведения
(к постановке проблемы)**

Изучение личности ученого стало в последние десятилетия в российской историографии объектом специального исследования. Развивается это направление и в отношении региональной науки. Особый интерес вызывают учёные-историки и археологи. В Волго-Вятском регионе эта тема отражена в публикациях В.А. Бердинских, О.М. Мельниковой, Т.И. Оконниковой, М.В. Гришкиной и др. Из ка-

занских археологов XIX-XX вв. внимание привлекали личности А.Ф. Лихачева, М.Г. Худякова, А.П. Смирнова, А.Х. Халикова.

Тем не менее, специальных исследований, посвященных казанским археологам, очень немного. Остались пока без внимания и ключевые вопросы, связанные со становлением советской археологической науки в Татарии в 30-40-е гг. XX в., когда был заложен фундамент современной археологии Татарстана.

Казанская археология в первые годы после Великой Отечественной войны переживала второе рождение. Причем ни численного роста специалистов-археологов, ни новых направлений исследований не появилось. Были продолжены запланированные до войны разведочные обследования в ТАССР и раскопки нескольких ключевых археологических памятников, в числе которых на первом месте было Болгарское городище (см.: Руденко К.А. Археология Волжской Булгарии. Историография и история изучения (X-XX вв.). Казань, 2008. С. 124-125). Однако именно в это время началось формирование двух научных школ булгаристики (см.: Руденко К.А. Казанские археологические школы булгаристики 1940-х – 80-х гг. (периодизация): к постановке проблемы // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества (XIII Бадеровские чтения). Ижевск, 2010. С. 57-61) – регионального научного направления советской археологической науки (Руденко К.А. Археология XX века: две жизни – две судьбы: О.С. Хованская и А.М. Ефимова. Казань, 2010. С. 154). Затем это вылилось в почти 30-летнее научное соперничество и конкуренцию нескольких крупных учёных-археологов, а затем их учеников и последователей.

Единственными специалистами в этой области с середины 1930-х гг. в ТАССР были Алексей Петрович Смирнов (1899-1974) и Николай Филиппович Калинин (1888-1959). Научное наследие этих учёных изучалось неоднократно. Отметим работы Г.А. Федорова-Давыдова, А.Х. Халикова, М.Г. Ивановой, Т.И. Останиной, Ю.А. Зеленева, А.Г. Ситдикова и др., посвящённые различным аспектам их научных взглядов, концепций и биографии.

Сохранились личные фонды этих ученых (большой частью неопубликованные) в музеях Казани (Национальный музей и музей А.М. Горького), в Национальном архиве Татарстана, в Отделе редких книг и рукописей научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета (ОРРК КФУ), в фонде письменных источников ГИМ; в архиве Института археологии РАН (Москва) и Национального центра археологических исследований Академии наук Татарстана и т.д. Ряд документов находится в семейных архивах. Некоторые из них, как например, часть материалов личного архива О.С. Хованской, работавшей в 1940–50-х гг. с А.П. Смирновым и Н.Ф. Калининным, опубликована (см.: Хованская О.С. Осада и взятие Казани в 1552 г.: историко-археологический очерк. Казань, 2010. С. 103-190).

Особо ценным источником для данной темы представляется переписка А.П. Смирнова со своими учениками – А.М. Ефимовой и Н.Д. Аксеновой (Руденко К.А. Археология XX века: две жизни... С. 7-8; Любовь моя – Болгары. Воспоминания и научные работы Н.Д. Аксёновой. Казань, 2010. С. 124-167), хранящаяся в настоящее время в ОРРК КФУ.

Анализ этих материалов позволяет наметить ряд ключевых исследовательских сюжетов. Первый – теснейшая связь научного мышления как маститых ученых, так и начинающих свой путь в науке (вне зависимости от возраста и статуса), с общественной жизнью, осознанием необходимости своей работы для страны и народа. Второй – преданность научной идее, вера в ценность чистого научного знания (отсутствие карьеризма). Третий – гендерная специфика – вначале преобладание мужчин-археологов как лидеров направлений, представителей старшего поколения ученых и больше женщин в качестве учеников и последователей. Четвёртый – отсутствие преемственности научного знания и традиций в казанской археологии первой половины XX в., ставшее основой межличностного конфликта ученых-лидеров. Пятый – конфликт личностей как конфликт поколений (Калинин – Смирнов; Хованская – Ефимова; Смирнов – Халиков; Смирнов – Генинг). Шестой – личностный конфликт как стимул в создании новой научной парадигмы и формирования научного направления и археологических школ.

Хотелось бы особо подчеркнуть этический момент. Переписка – это очень личные документы, причем многие оценки, суждения, касающиеся знакомых и коллег, нередко рождались по поводу каких-то событий, которые зачастую вскоре утрачивали свою актуальность и забывались. То есть это не абсолютное доказательство той или иной конфликтной ситуации или напряженности в отношениях. Это можно доказать, только опираясь на совокупность фактов, и даже в этом случае значение данного события в личной жизни могло не отразиться на научных воззрениях и концепции, а могло быть и наоборот. Стоит заметить, что понимание того, что человеку нужно иногда просто дружеское участие, постоянно звучит в переписке.

Анализируя эти материалы несложно понять, что не только и не столько научная проблематика связывала коллег, учителей и учеников на научном поприще. Наука была основой для совместной работы, но она была для каждого из них своя, особенная, наделенная личным восприятием, с одной стороны, и духом эпохи, ее настроением – с другой (см.: Руденко К.А. Археология XX века: две жизни... С. 154-157). Парадоксально, но археология для этих людей и их преемников стала затем своеобразным игровым полем, элементом соревнования, конкуренции, где глобальные научные проблемы переплетались с личными чувствами, отношениями, идеями.

Любопытно и то, что разница в возрасте, опыте, таланте, сначала выступавшие как основание для выстраивания отношений учитель-ученик, быстро отступали на второй план, замещаясь официальным институтом ученичества в рамках как формальной, так и неформальной научной школы. Это впоследствии привело к своеобразным трансформациям самой идеи научной археологической казанской школы в 1990-х гг.

Е. Е. Савицкий (РГГУ, Москва)

**«Новизна же состоит в отказе...»
Негативность как формирующий принцип
гуманитарных сообществ в 1980-х – 2000-е гг.***

Есть нечто особое в возникновении модных европейских и американских интеллектуальных сообществ в последние тридцать лет. Например, во введении к сборнику «Практикуя Новый историзм», опубликованному в 2000 г. (Greenblatt S., Gallagher C. Introduction // Greenblatt S., Gallagher C. Practicing New Historicism. L., Chicago: Univ. of Chicago Press, 2000. P. 1-19.), Стивен Гринблатт и Кэтрин Галлахер вспоминают о том, как сложился в конце 1970-х годов круг исследователей, основавших впоследствии журнал «Репрезентации» и получивших название «новые историки». Начинают авторы с того, что описывают свое удивление, когда они впервые увидели в филологическом ежегоднике объявление о вакансии на должность преподавателя «Нового историзма». Это было удивительно, поскольку преподавать можно какой-то предмет, что-то, что обладает какой-то связностью, чего на самом деле не было. И было странно, что может найтись человек, который действительно будет читать курс по «Новому историзму», и непонятно, что он будет при этом читать. Конечно, говорят Гринблатт и Галлахер, мы как никто другие знали об истории и принципах Нового историзма, но главное, что мы о нем знали – это, что он не поддается какой-либо систематизации. Мы никогда не формулировали набора теоретических положений или четкой программы; не то, что для других, мы даже для себя не составляли никакого перечня вопросов, который следует задавать всякому литературному тексту, чтобы получить его новоисторическое прочтение. Соответственно, мы никогда не были в состоянии сказать кому-то с укором: «нет, ты не настоящий новый историк», или наоборот: «да, вот это подлинно новоисторическая работа». Вопрос о подлинном «Новом историзме» совершенно невозможен, он никогда не

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Идеи и люди: интеллектуальная жизнь Европы в Новое время» (№ 10-01-00403а).

был школой, в которую можно записаться или из которой можно быть исключенной. Термин «Новый историзм», говорят Гринблат и Галлахер, нередко прилагался к целому ряду критических подходов, которые крайне далеки от наших собственных, и которые часто имеют между собой мало общего. Поэтому даже говоря о «практиковании нового историзма», мы можем говорить только за себя – заявляют Гринблат и Галлахер. И они говорят, что в самом общем плане то, что руководило ими – это неприятие американской «Новой критики».

Это рассуждение Гринблатта и Галлахер примечательно в двух отношениях. Во-первых, они всячески отрицают какой бы то ни было характер подлинности, внутренней аутентичности своего проекта, возможность реконструировать его «настоящее содержание». И вслед за этим первым утверждением говорится, что «новый историзм» (уже по отношению к этому наименованию оба автора ведут себя очень дистанцированно) возникает изначально из неприятия старого, это неприятие, сугубая негативность важнее, чем наличие четко сформулированной теоретической программы.

Подобные высказывания можно найти и в самоописаниях ряда других новых интеллектуальных направлений 1980-2000-х гг. Образ сообщества, формирующегося не вокруг некой позитивной программы, а скорее вокруг пустоты, зияния, вокруг создания такой пустоты, становится концептуально важным.

Откуда берется такое понимание ученого сообщества? Было ли такое самописание сугубо декларативно, или оно имело значение и для исследовательской практики? Для ответа на эти вопросы в докладе автор намерен проследить теоретические отсылки, из которых возникают такие саморепрезентации, и также попробовать прочесть в этом ключе работы С. Гринблатта начала 1980-х гг. На мой взгляд, рассмотрение «нового историзма» по модели других позитивных исследовательских программ в российских дискуссиях конца 1990-х (см.: Новое литературное обозрение. 2000-2001. № 42, 47) привело к игнорированию тех аспектов, которые были наиболее важны для самой этой группы исследователей.

М. С. Салмина (МОУ СОШ № 59, Челябинск)

Школьное научное общество как начало пути в науку

В становлении будущих ученых-историков не последнюю роль играет период обучения в общеобразовательной школе. Именно в ее стенах проявляется первый интерес к предмету, перерастающий в прочное увлечение и становящийся впоследствии профессией. Большинство выпускников школы № 59 г. Челябинска, выбравшие путь учёного-историка (один кандидат наук, четыре аспиранта), утверждают, что на их профессиональный выбор оказала влияние школа.

Особую роль в выборе профессии играет развитие практических и исследовательских навыков, формирующихся в Научном обществе учащихся (НОУ).

Как известно, история НОУ в Челябинске берет начало в 1963 г., и вот уже около 50-ти лет научное общество ежегодно собирает на свои конференции способных и одарённых детей от 1-го до 11-го класса. Для школьников, отдающих предпочтение историческим знаниям, как правило, работают секции зарубежной и отечественной истории, а также секции археологии и исторического краеведения.

Школьное НОУ позволяет выявить учащихся, способных к оригинальному, нестандартному решению задач, привлечь их к исследовательской деятельности, развить их творческие способности. Занятия в НОУ закладывают основы аналитического и критического мышления учащихся в процессе творческого поиска и выполнения исследования, способствуют самовоспитанию у учеников целеустремленности и системности в учебной, настоящей и предстоящей трудовой деятельности, а также самоутверждению учащихся благодаря достижению поставленной цели и публикации полученных полезных результатов. Научное общество учащихся можно рассматривать и как инструмент для самоопределения учащихся в профессиональном плане, содействие в профессиональной ориентации.

Опыт деятельности НОУ челябинской школы № 59 (школьное общество существует с 1994 г., через секции истории и краеведения прошло около ста человек) позволяет утверждать, что выполнение ученических исследовательских работ по историческому краеведению является наиболее эффективным для реализации проектов в силу того, что источниковая база (архивные и музейные фонды, материалы семейных архивов и др.) приближена к юному исследователю. «Краеведение – самый массовый вид науки» – эти слова академика Д.С. Лихачева наиболее точно характеризуют особенность этой деятельности. А это означает, что результат, удовлетворение от проделанной работы будет выше, а навыки – совершеннее.

Организационно исследовательская работа учащихся в общеобразовательной школе проходит через несколько этапов: подготовительный (1-4 классы), развивающий (5-8 классы), исследовательский (9-11 классы). На первом этапе формируются практические навыки и основы научной организации труда: обучение работе с учебником и словарями, приобретение навыков быстрого чтения, вовлечение учащихся в активные формы учебной деятельности и т.п., а также формирование познавательного интереса к различным аспектам развития родного края и выявление способных к творчеству учащихся, оформление первых реферативных работ. Второй, развивающий, этап предполагает совершенствование навыков научной организации труда, активное развитие интеллектуальных способностей учащихся, расширение их кругозора, выполнение исследовательско-реферативных

работ. Важнейшую роль на данном этапе играет деятельность школьных объединений: туристско-краеведческого клуба, кружка «Родоведение», музейных групп (Музея культуры и быта народов Урала им. А.И. Лазарева и Музея «Наследие»), а также преподавание краеведческих специализированных курсов («История Южного Урала в ретроспективе XX – начала XXI в.», «Архивное дело»), на которых учащиеся осваивают специфику работы с первоисточниками, знакомятся с деятельностью и функциями музеев и архивов. Третий этап является этапом непосредственной исследовательской деятельности учащихся, на котором ведется разработка общешкольных тем или индивидуальных проектов в рамках историко-краеведческой секции НОУ.

В современных условиях участники НОУ практически не ограничены в возможности работать с историческими источниками, хранящимися в музеях и архивах города Челябинска, а также на базе школы. Уникальные материалы были переданы в Музей «Наследие» нашей школы в 2003 г. руководителем Литературного объединения ЧТЗ Е. Ховивом: документы, касающиеся руководителей завода ЧТЗ, мемуары инженера М.А. Храпко, прошедшего через сталинские репрессии, переписка с известными писателями М. Львовым, Л. Татьяничевой и др. С использованием этих материалов было выполнено несколько исследовательских работ: «Роль ЛИТО в жизни челябинцев. 1930-2005 гг.» (автор А. Яловенко, 2005 г.), «К вопросу о необходимости создания Книги Памяти жертв политических репрессий Челябинской области» (М. Князева, 2010 г.), «Война глазами солдат. 1941-1945 гг.» (А. Баландин, 2007 г.) и др.

На основе анализа подлинных исторических документов ОГАЧО (в котором учащиеся школы работают с 1995 г.) были проведены исследования на темы: «Принудительный труд на Кировском заводе. 1941-1945 гг.» (автор И. Полежайкин, 1998 г.), «Военнопленные германской армии на Урале. 1942–1955 гг.» (автор Е. Буркова, 2001 г.), «Донос как способ взаимоотношений человека с властью. 1920-е – 1940-е гг.» (автор Д. Степанов, 2003 г.), «Русско-японская война в жизни челябинцев. 1904-1905 гг.» (автор Н. Антипин, 2005 г.), «Жизнь южноуральских крестьян по протоколам партийных чисток (на примере Увельского района. 1930-е гг.)» (автор Е.Малышева (2006 г.), «Образ южноуральского ээпмана. 1921-1928 гг.» (автор Е. Краева, 2007 г.) и др. Представленные исследовательские работы на различные конкурсы (от районных до международных), признание их успешности через дипломы и благодарственные письма позволяют школьникам поверить в свои возможности, обрести навыки постановки и решения исследовательских задач и способствуют выбору в дальнейшем профессии.

Чтобы исследовательская деятельность учащихся в школе имела постоянную перспективу развития, необходимо обеспечение преемственности данной работы. Важнейшую роль в плане преемственности

играют отчетные заседания НОУ, на которых в театрализованной форме происходит «передача эстафеты» исследовательской деятельности «ноушат-выпускников» последующим поколениям. Частыми гостями на таких заседаниях являются выпускники школы, ставшие студентами исторических факультетов высших учебных заведений (с 1995 по 2010 гг. – 54 выпускника школы выбрали профессию историка).

Таким образом, пройдя через все этапы исследовательской деятельности, к моменту окончания школы, овладев умениями и навыками исследовательской работы, поверив в свои силы, выпускники становятся студентами исторических факультетов, активно участвуют в студенческих научных обществах, а затем часть их выбирают научную стезю.

А. М. Скворцов (Челябинский ГУ / Ставропольский ГУ)

Судьба антиковедческой школы М. С. Куторги

Важным для современных сохланных исследований является вопрос о продолжении внутрикорпоративных традиций, об их передаче следующему поколению ученых. Для основателя научной школы важно, чтобы все его старания в деле взращивания последователей не пропали даром. Ученики, по замыслу мэтра, должны передавать накопленный ими опыт уже своим собственным воспитанникам. А для этого они должны быть и активно действующими учеными, и яркими сторонниками привитой им учителем методологии, а также обладать некоторой харизмой, чтобы стать коммуникативным центром притяжения для молодого поколения. Только в этом случае патриарх научной школы может быть уверен в продолжении созданных им традиций. Поэтому ряд научных сообществ со временем приобретают многопоколенный характер. Но следует признать, что это скорее является исключением из правил, особенно для лидерских школ. Порой и некоторые представители первого поколения учеников не оправдывают надежд мэтра и находят для себя либо другие области исследования, либо другие профессии и сферы приложения своего интеллекта. Такая смена приоритетов может быть объяснена не только прихотью учёного, иногда это вызвано чисто объективными причинами либо является и следствием возникших проблем, противоречий и даже конфликтов в научном сообществе.

Проследив судьбы учеников М.С. Куторги после защиты ими магистерских диссертаций, можно сделать следующие выводы. Научная школа М.С. Куторги была действующей и выпускающей антиковедов в период с начала 40-х гг. XIX в. до 1870 г. Занятия античностью из всех воспитанников продолжили лишь П.И. Люперсолевский и Ф.Ф. Соколов. Только последнему из них удалось добиться на этом поприще значительных успехов и основать собственную школу. Од-

нако он уже не пытался философски осмыслить исторический процесс, выявить его «основной стержень», что было характерно для М.С. Куторги. Штудии Ф.Ф. Соколова были посвящены фактической стороне античности, основе исторической науки.

Остальные же ученики либо занимались другими историческими эпохами (В.Г. Васильевский – византийской историей, В.В. Бауер – историей Нового времени) и взаимодействовали с М.С. Куторгой только как коллеги по университету, либо вовсе ушли в иные профессии (В.М. Ведров стал цензором, М.М. Стасюлевич – редактором журнала, Н.А. Астафьев – одним из организаторов Библейского общества), либо сосредоточились на преподавательской деятельности в ущерб научным изысканиям (П.И. Люперольский).

Конфликты в научной школе М.С. Куторги были нередким явлением. Причиной тому могли быть элементарные слухи, в результате которых наступали обиды, а также различие в общественно-политических взглядах (М.М. Стасюлевич) и навязывание со стороны учителя определенной темы для научной работы (В.Г. Васильевский). М.С. Куторга старался выработать у своих подопечных самостоятельность мышления, но вместе с тем не мог допустить, чтобы кто-либо из них обособился и не советовался с ним по исследуемым проблемам античной истории. Мэтр был убежден в том, что ученики в любом возрасте должны считаться с ним и не пренебрегать его мнением. Здесь взгляды на науку пересекаются и входят в противоречие с личными амбициями мэтра. Но М.С. Куторга не учитывал тот факт, что вокруг него концентрировались исключительно сильные личности, в какой-то степени амбициозные, которые не могут долгое время оставаться под опекой. Когда ученики понимали это противоречие, то старались дистанцироваться от своего наставника, продолжая сугубо самостоятельные занятия антиковедением. Яркий пример тому – В.М. Ведров. Но его научная карьера имела печальный конец. В условиях середины XIX в. молодому человеку, имевшему за спиной только защищённую магистерскую диссертацию, без покровителей в лице именитых профессоров было сложно продолжать научную карьеру. Разрыв с учителем был роковой ошибкой В.М. Ведрова: он не смог самостоятельно написать достойное сочинение на докторскую степень и не получил достаточного опыта и консультаций для успешного преподавания всеобщей истории.

Но были и такие ученики (Н.А. Астафьев, В.В. Бауер, П.И. Люперольский), с которыми М.С. Куторга сохранил теплые отношения вплоть до конца жизни. При этом только лишь П.И. Люперольский занимался античностью. Но длительная опека со стороны мэтра для него имела негативные последствия и привела к тому, что Пётр Иванович так и не стал в полной мере самостоятельным ученым. Его научная деятельность угасла после смерти мэтра в 1886 г.

Научная школа М.С. Куторги оказалась однопоколенной по структуре. Это было связано, с одной стороны, со сложным, неоднозначным характером лидера школы, нередко порождавшим конфликтные ситуации. Сыграл роль и такой фактор, как отсутствие в университете свободных преподавательских вакансий по истории античности, в результате чего некоторые ученики вынужденно переориентировались на иные хронологические периоды. Важно подчеркнуть, что в каждом конкретном случае сказывалось влияние различных факторов: объективные условия, случайное стечение обстоятельств, личная предрасположенность. На примере деятельности Ф.Ф. Соколова и В.Г. Васильевского можно проследить процесс перерождения научных сообществ «схоларного» типа. Сформировавшись в школе М.С. Куторги, они стали основателями новых школ: Ф.Ф. Соколов – эпиграфической, В.Г. Васильевский – византистики.

В целом, традиции, заложенные М.С. Куторгой, оказали сильное влияние не только на петербургских исследователей, но и вообще на становление и развитие антиковедения в России.